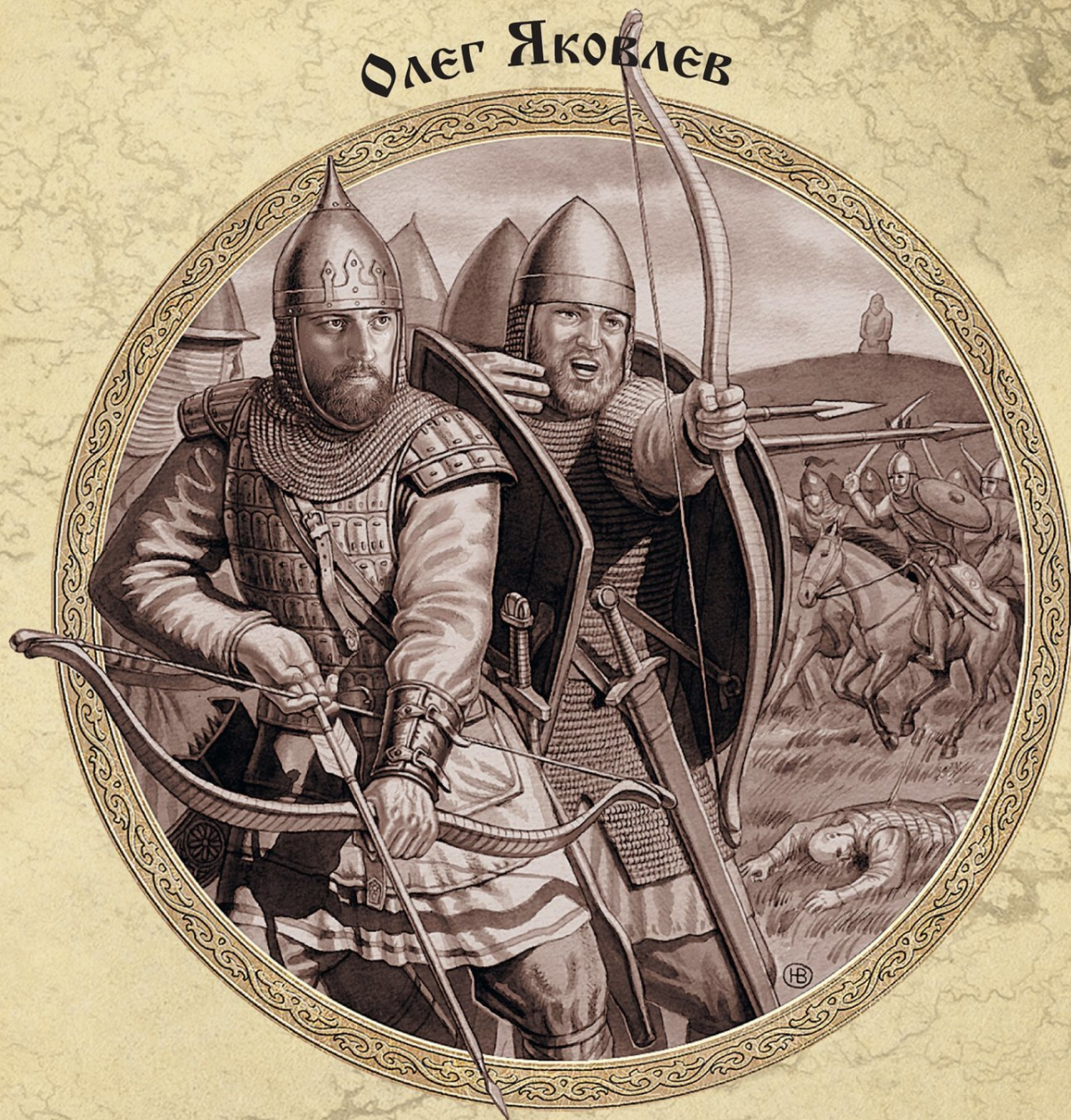

У истоков Руси

Олег Яковлев

Половецкие войны

У истоков Руси

Олег Яковлев

Половецкие войны

«ВЕЧЕ»

2020

Яковлев О. И.

Половецкие войны / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2020 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8231-1

Книга рассказывает об истории России, но не в привычном школьном понимании последовательного изложения войн, восстаний, роста ВВП, смены царей, императоров и президентов. Речь пойдет о нескольких периодах в истории нашей страны, когда социально-экономическое развитие в ней небывало ускорялось и вся жизнь приобретала новое качество. Рассматриваются периоды особого напряжения всех сил власти и народа в трех столетиях истории России, Российской империи и Российского государства, сохранившего характер империи, в XVIII, XIX и XX веках.

ISBN 978-5-4484-8231-1

© Яковлев О. И., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Вступление. Тяжкие беды	6
Глава 1. Кровавая стугна	8
Глава 2. Врог пуще поганого	12
Глава 3. «Тамо видно будет»	16
Глава 4. Союзники и враги	19
Глава 5. Помыслы князя Олега	22
Глава 6. Сговор	24
Глава 7. В осаде	26
Глава 8. «И облизывались на нас, как волки»	30
Глава 9. Разгром Чернигова	32
Глава 10. Ольгины мытарства	35
Глава 11. Решение Боняка	41
Глава 12. Исповедь горбуна	42
Глава 13. Порухение клятвы	46
Глава 14. Развод Мономаха	49
Глава 15. Месть убийце	52
Глава 16. В Угры за добычей	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Игоревич Яковлев

Половецкие войны

© Яковлев О.И., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Вступление. Тяжкие беды

13 апреля 1093 года в своём киевском дворце тихо преставился¹ великий князь Всеволод Ярославич. При жизни расчётливый и властолюбивый, хладнокровный и твёрдый, где надо, решительный и смелый, он крепко держал в узде непокорных родичей. Его боялись, опасались, перед ним склоняли гордые головы, а те, что продолжали упорствовать и измышлять свои козни, получали в ответ предательский удар меча исподтишка, как Ярополк Волынский, или на долгие годы, подобно смутьяну Олегу, оказывались оторванными от родовых вотчин. Не было за четырнадцать с половиной лет княжения Всеволода на Русской земле покоя, но не было и опустошительных кровавых войн и нашествий; пресекались великие и малые крамолы удельных князей и бояр, в ход шли посулы, угрозы, звенело золото, реже – булатный меч; так или иначе, а младшие были послушны старшим.

Но время – безжалостный творец и разрушитель – сделало своё дело: одряхлел Всеволод телом и душой, превратился с годами в злобного мрачного старика, тяжкое бремя кровавых деяний прошлого нависало над ним, давило, сковывало волю и разум. И с горечью осознавал князь: нет, не достиг он того, о чём мечтал с отрочества и до седины, не стал великим, таким, какими были покойные отец и дед; мелкие заботы поглотили его, закружили в неистовый водоворот круто меняющихся событий, и вышел он из этого водоворота неприятным, шаркающим ногами старикашкой с тяжёлым ворохом преступлений на плечах. Умер Всеволод, как и жил, с виду тихо и спокойно, только внутри его всё до последнего часа бурлило, становилось страшно, жутко, и тщетно старался он успокоить свою совесть, доказывая словно бы и себе, и Богу на небеси, что творил-де лихие дела не корысти ради, но только для блага Русской земли.

Как расценил Всевышний предсмертное раскаяние великого князя, не дано ведать нам, грешным и хурым, а потому рассказ свой поведём мы о вещах попроще – о привычной каждому юдоли² земной.

Всеволод мыслил передать киевский стол своему старшему сыну, прославленному далеко за пределами Руси полководцу Владимиру Мономаху. Но не любили Всеволодова сына в Киеве, многие бояре боялись его твёрдой сильной руки, больше по душе был им княживший в окружённом болотами Турове³ слабовольный, корыстолюбивый и лицемерный Святополк, сын старшего Всеволодова брата – Изяслава. На стороне Святополка был и Ярослав ряд⁴ – лествица, был он старше Владимира и годами, и отец его раньше Владимировой отца занимал великий стол.

Мономах – умный, рассудительный – всё понял и, не желая котор⁵ и кровопролития, уступил.

В день 24 апреля Святополк торжественно въехал в Киев через Золотые ворота.

Вскоре прибыли в стольный град послы от левобережных половцев⁶. Стояли в горнице перед Святополком – гордые, непреклонные, требовали мира и требовали дани за этот хрупкий, часто нарушаемый ими же самими мир. Вспоминали покойного князя Всеволода, как уговаривался он с также умершим уже ханом Осулуком, как дарил хану и его ближникам ткани, золото, меха, драгоценное оружие.

¹ Преставиться (др. – рус.) – умереть.

² Юдоль – удел, судьба.

³ Туров – город в Южной Белоруссии, в бассейне Припяти. В XI–XIII веках столица удельного княжества.

⁴ Ряд – порядок наследования власти (здесь – киевского стола). Согласно завещанию Ярослава Мудрого, киевский стол должен был занимать «старший в роду».

⁵ Котора (др. – рус.) – междоусобица.

⁶ Половцы – тюркоязычный союз племён, кочевавший в XI–XIII веках в южнорусских степях. Совершали опустошительные набеги на Русь, Венгрию, Византию.

Святополк молчал. Кусал уста, косился на надменных, осознающих свою силу послов в мохнатых шапках и кожухах, сжимал в бессильном бешенстве кулаки, вспоминал свои сокровища, скопленные за годы новгородского княжения и обретенные уже здесь, на киевском столе, с досадой и ненавистью представлял себе, как текут ручьи прохладного серебра и слепящего взор злата в грубые мозолистые длани кочевников.

После прорвался к князю Иванко Козарин, подходили другие бояре, говорили негромко, вкрадчиво:

– Не плати. Собери дружину, пойдешь на поганых⁷ ратью. Побьешь их, добудешь славу, золото, возьмешь большой полон⁸. Великие прибитки получишь.

Напрасно старый воевода Ян Вышатиц советовал Святополку отступить, принять предложение степняков, напрасно убеждал, что не восемь сотен туровцев, какие были у великого князя под рукой, но тысячи воинов нужны, чтоб одолеть силу половцев. Не хотел Святополк отдавать своё, не хотел уступать даже в малом, повелел он бросить послов в темницу и готовить рати. Наступали на Руси новые, тяжкие и жестокие времена.

⁷ Поганые – то есть язычники. Здесь имеются в виду половцы.

⁸ Полон – плен.

Глава 1. Кровавая стугна

Быстрым налётом неслись по приднепровским кручам резвые скакуны. Развевались на ветру гривы, свистел в ушах холодный ветер. Небо было ясным, чистым, зеленели травы на прибрежных лугах. Внизу клокотал вспученный, напоённый талыми водами мутный Днепр.

Весна в тот год случилась поздняя, ещё совсем недавно снежинки кружились в воздухе над могучей рекой, и хотя к маю на юге Руси уже, как правило, заканчивалось половодье, нынче всё Божьим промыслом задержалось, словно показывая людям, предупреждая их, что наступают лихие времена.

Это чувствовал, наверное, острее других князь Владимир Мономах. Вонзая бодни⁹ в бока широкогрудого вороного, нёсся он из Чернигова в стольный Киев во главе небольшого отряда верной дружины.

Колыхалось на ветру небесно-голубое корзно¹⁰, позвякивали кольца бармицы¹¹, прикреплённой к остроконечному шелому. Брони Мономах приказал воздеть ещё перед отъездом из Чернигова – опасался он внезапного нападения какого-нибудь половецкого ертаула¹². Да и воистину, кроме поганых, хватало у князя на Руси недругов.

Владимир старался отвлечься, не думать о последних событиях, но нет-нет да и овладевал им тяжкий гнев. Возмущали, прямо-таки в ярость ввергали безрассудство и жадность новоиспечённого киевского владетеля. Неужели не понимал Святополк, сколь сильны сейчас половцы, сколь много воинов нужно, чтобы справиться с ними в бою?! На Руси же в последние годы царили неурожаи, бескормица, и сил ратных в Киеве и других южных городах для большой войны явно не хватало.

Сколько раз он, Владимир Мономах, одолевал этот ставший знакомым до мелочей путь между Черниговом и Киевом? Не перечесть. Вон за тем поворотом выступает из-за холма небольшая рыбачья деревушка, вон огромная разлапистая сосна на пригорке широко разбросала в стороны могучие стволы, вон тихая заводь на Днепре, испещрённая челнами. Скоро уже покажутся впереди на круче дубовые стены и стрельницы¹³ Вышгорода¹⁴, а там уже и до стольного недалече.

Щебетали птицы в дубравах, на полях синели васильки, желтели цветки одуванчиков, зеленели травы. Вроде всё как обычно, но менялась, чуял сорокалетний князь, жизнь, наступало время войн, потрясений, усабиц. Словно со смертью отца, Всеволода, последнего из сынов Великого Ярослава¹⁵, что-то на Руси надломилось, словно порвалась некая тугая нить, доселе держащая города, сёла, земли в единстве. На душе царили печаль и тревога.

...Со Святополком Мономах встретился в загородном Выдубецком монастыре. Монастырь этот был сооружён на средства покойного Всеволода и считался его родовой обителью.

Они сидели друг против друга – широкоплечий, среднего роста, с короткой, аккуратно подстриженной рыжеватой бородкой князь Владимир и долговязый, огромного роста, смуглолицый, с длинной и узкой чёрной бородой Святополк, оба такие разные, в прошлом – то враги, то друзья, но сейчас связанные единой заботой – как остановить половецкое нашествие.

Святополк то и дело вскакивал со скамьи, ходил, размахивая руками, убеждал:

⁹ Бодни (др. – рус.) – шпоры.

¹⁰ Корзно – княжеский плащ, богато украшенный.

¹¹ Бармица – здесь: кольчужная сетка, закрывающая затылок и шею воина.

¹² Ертаул (вост.) – разведывательный или сторожевой отряд.

¹³ Стрельница – то же, что бойница; башенка, из окон которой во время осады города вели обстрел осаждающих.

¹⁴ Вышгород – город на Днепре, к северу от Киева.

¹⁵ Великий Ярослав – Ярослав Мудрый (ок. 980-1054) – киевский князь в 1019–1054 годах.

– Да какой с ними мир?! Сколько отдать придётся?! Вот соберёмся вместе, отгоним их, тогда и будем мир творить!

– У нас мало сил, – возражал ему твёрдым спокойным голосом Мономах. – Что твои восемьсот туровцев? Капля в море! Их, поганых, в десятки раз больше! Даже если вместе мы силы совокупим, и то немного нас будет! Пешцев¹⁶ же ныне не собрать, не оторвать от ролы¹⁷ так быстро! Разве что простых горожан в ополчение призвать, да много ль там люду! И всех же оборузить надобно добре!

– И что же?! По-твоему, нам откупаться от половцев сих?! Своё отдавать?! – не соглашался владетель Киева.

– Сперва послов из темницы выпусти! И предложи мир!

– Ну ладно, послов выпущу! А дальше?!

Следом за князьями спорили промеж собой киевские и черниговские бояре. Одни, такие как Иванко Захариич Козарин и Путята, советовали биться, другие, опытные, не раз встречавшиеся с половецкими ордами на полях сражений, поддерживали Владимира и советовали проявлять осторожность.

...Послов из поруба¹⁸ выпустили, Святополк согласился принять их условия, но теперь сами половцы, оскорблённые и униженные владетелем Киева, не хотели мира. Уже бросилась лихая степная конница на правый берег Днепра, уже горело Поросье¹⁹, уже в осаду был взят населённый служилыми торками и берендеями²⁰ Торческ.

В Киеве собрались пришедшие с левобережья Днепра дружины черниговская и переяславская. Последнюю привёл младший единокровный²¹ брат Мономаха – двадцатитрёхлетний Ростислав.

Перед выступлением князья проследовали в Печерский монастырь, чтобы попросить благословения у игумена и поклониться мощам преподобного Феодосия Печерского, одного из основателей монастыря.

Ростислав, в отличие от старших братьев, к монахам не пошёл, а остановился со своей дружиной на берегу Днепра, под горой.

– Нечего мне тамо деять, у сих бездельников! – резко оттолкнул он в ответ на предложение Владимира.

После Мономаха не раз клял себя, что не убедил брата, не настоял на своём. О том, что произошло на днепровском берегу, узнал он позже.

К реке в час, когда разбила там стан переяславская дружина, пришёл с кувшином для воды монах Григорий. Он славился в Печерах своими пророчествами. Глядя на согбенную неуклюжую фигурку тщедушного монашка, который, подобрав длинные полы чёрной рясы и борясь с сильным течением, стал осторожно набирать в кувшин воду, ратники стали смеяться над ним.

Григорий долго молчал, но всё же не выдержал и ответил:

– Напрасно потешаетесь вы. Лучше б о Боге помыслили, помолились бы. Вам ить многим суждено будет от воды сей погибнуть вборзе²², а вы сквернословите, языками злыми оскорбляете меня!

¹⁶ Пешцы – пешие воины. Как правило, набирались из городского и сельского населения во время войны.

¹⁷ Ролья (др. – рус.) – пашня.

¹⁸ Поруб – тюрьма; представлял собой углубление в земле, обнесённое высоким частоколом.

¹⁹ Поросье – область по берегам реки Рось, к югу от Киева.

²⁰ Торки, берендеи – тюркоязычные племена, использовались киевскими князьями для охраны своих рубежей от нападений половцев.

²¹ Единокровный – то есть брат по отцу.

²² Вборзе (др. – рус.) – вскоре...

– Что каркаешь тут, ворон чёрный! – услышав слова монаха, пришёл в ярость молодой Ростислав. – А ну-ка, робяты, хватайте его! Связать и в воду бросить! Будет он тут ещё рот разевать!

Несчастливого Григория связали пеньковыми верёвками и швырнули в Днепр. Тотчас тело его пошло ко дну, а многие из Ростиславовой дружины от души смеялись над незадачливым пророком.

Владимир, когда вскоре проведал о случившемся от одного из монастырских служек, ужаснулся содеянному. Он долго отчитывал Ростислава, в отчаянии хватаясь за голову.

– Что же ты сотворил?! Али хочешь, чтобы братия монастырская, иереи все, служители Божьи анафеме тебя подвергли?! Ступал бы, покался во грехе!

Упрямец Ростислав отрицательно качал головой.

– Не пойду! Нечего мне сих бездельников слушать! И ещё унижение от их терпеть!

Ничего не мог князь Владимир поделать с братом. Чувал он одно: ждут их всех несчастья и беды.

...Совокупив ратные силы, трое князей выступили из Киева и подошли к берегу правого притока Днепра – реки Стугны. Малая мелководная эта речка в ту весну внезапно забурлила, набухла, напоённая тальми водами, замутилась, затопила низкий левый берег около устья, и князь с воеводами, собрав совет, стали решать, переходить им реку или разбить лагерь и ждать врага здесь.

Мономах снова предлагал послать гонцов к половецким ханам, просить мира, снова доказывал, что мало у них сил для отражения степняков, и снова его не слушали, дерзко перебивали, упрекали в трусости. Щуря гневные серые глаза, смотрел Мономах на лица Святополковых бояр, видел безудержное удалство молодых туровцев и киевлян, презрительную усмешку Козарина, уже подсчитывающего, наверное, в уме барыши от продажи пленников для своей иудейской общины, замечал растерянность Святополка и глупую запальчивость тысяцкого²³ Путяты. Смотрел на выборных в совет от веча ополченцев, людей простых, мало смыслящих в ратных делах, слушал, стараясь держаться спокойно, их неуместные крики.

В конце концов некий Милонег, черниговский ратник-ополченец, сердито махнул рукой и выпалил:

– Довольно! Наслушались вас, князей да бояр! Неча тут стояти! Ступаем на ту сторону реки!

Слов этих будто только и ждали. Тотчас, презрев Владимировы советы, наперебой заговорили, теряя терпение, бояре, воеводы, тысяцкие:

– Верно! Ступаем! Не ждут нас тамо поганые!

...Дальше произошло всё пугающе быстро и трагично, как почти всегда случается после наспех принятых, неверных, необдуманных решений. Утром 26 мая, когда перешли русы Стугну и встали между валами возле Триполья²⁴, налетела на них яростная лавина половецких всадников. Сначала они обрушили на русов тучи стрел, а затем всей массой навалились и смяли немногочисленную дружину Святополка, стоявшую на правом крыле. После, истребив почти всех русских стрельцов, метнулись лихие половецкие всадники на черниговцев и переяславцев. Мономах и его люди долго упрямо отбивались от наседавших врагов, орудуя мечами и саблями, но в конце концов, когда ударили половцы справа, не выдержали натиска, обратились вспять и бросились назад, в мутные, бешено клокочущие воды Стугны.

За ночь река ещё сильнее набухла, да вдобавок пошёл сильный дождь, бешено свистел в ушах злой ветер.

²³ Тысяцкий – в Древней Руси лицо в городской администрации, возглавлял городское ополчение во время войны.

²⁴ Триполье – древнерусская крепость в устье Стугны, близ Киева.

Владимир видел впереди себя алое корзно Ростислава, ехал за ним следом, как вдруг яростный бурный поток сбил брата с коня. Корзно исчезло в волнах.

– Ростя, брат! – Владимир с отчаянием, выпрыгнув из седла, бросился ему на выручку. Тяжёлые франкские доспехи, в которых Ростислав шеголял накануне, тянули юношу ко дну.

«Наказанье, кара Божья!» – стучало в голове Мономаха.

Его самого едва не унесло бешеным течением, вокруг крутились воронки, засасывая людей и коней в водовороты. На выручку подоспели верные Бусыга с Гоудином. Дружинники подхватили своего князя и вытащили его, уже теряющего силы, на спасительный левый берег. Половцы не рискнули переходить вброд разлившуюся Стугну и только пускали им вслед свои длинные смертоносные стрелы.

– Что с Ростиславом?! Где он?! – вопрошал Мономах.

Годин, перекрестившись, сухо обронил в ответ:

– Утоп брат твой! Поглотила его пучина!

Не выдержав, князь Владимир горько разрыдался. Жаль, безмерно жаль было ему глупого несмышленного мальчишку. А перед глазами стоял берег Днепра и расколотый кувшин Григория, и в голове по-прежнему сидела страшная мысль: «Кара Божья!»

С остатками своей дружины Мономах укрылся в Чернигове.

...Тело Ростислава только три дня спустя выловили из воды и торжественно положили во гроб в соборе Софии, рядом с отцом и дедом.

Дольше всех держались на берегу Стугны ополченцы. Ощетинившись, как ёж иглами, длинными копьями, изнемогая, отбивали они половецкие атаки как могли и как умели, и все до единого человека либо пали, либо угодили в неволю. Много людей недосчитались и княжеские дружины. Так, Святополк, в злобной ярости кусая дрожащие от страха и стыда губы, добрался до Киева всего с двумя людьми. Да, с горя и печали начиналось его великое княжение. И ещё не знал, не представлял себе князь, какие трудности и беды ожидают его в следующие годы.

Половцы же тем временем жгли киевские волости, грабили, убивали, и не было русским людям – купцам, ремесленникам, крестьянам – в бешеном смертоносном вихре никакого спасения и никакой пощады.

Но, видно, сильно разгневался на русичей христианский Бог. Едва отхлынули поганые орды назад в степь, как новая беда пришла на порог: на берегах Донца, в станах ханов появился старый враг Всеволодова рода, двухродный²⁵ брат Мономаха – князь Олег. Снова звучали слова посулов, сыпались монеты, давались клятвы. Тревога и волнение царили на беспокойном лихом пограничье.

²⁵ Двухродный – двоюродный.

Глава 2. Ворог пуще поганого

В разгар ясного воскресного дня, когда на площадях и улицах Чернигова кипела бойкая торговля и народ со всех концов города и окрестных сёл сбегался посмотреть, какие диковинные товары привезли на сей раз с собой русские и иноземные купцы, посреди шумной галдящей толпы объявился некий рослый плечистый человек, худой и одетый в грязные лохмотья. Борода его, густая и нечёсаная, доходила едва не до пояса, а левый глаз заплыл от вздувшегося кровавого рубца – видно, следа от нагайки. Мало кто признал в страдальце считавшегося убитым кузнеца-ополченца Милонегга. Тот же, кто узнавал, шарахался в сторону и испуганно крестился, шепча жаркие слова молитвы.

Милонег ловко вскарабкался на деревянный помост посреди торговой площади и, набрав в рот побольше воздуха, что есть мочи заорал:

– Слушайте меня, люди добрые! Слушайте, христиане, что скажу вам я, Милонег, сын Вояты из Лукомля!²⁶ Довелось мне хлебнуть лиха, пережить мытарства у поганых в полоне! Вот они, раны мои, глядите! – Он разорвал на груди рубаху, и люди увидели на его теле кровавые рубцы и ссадины.

– Ради чего страдал я?! Князья-вороги вывели нас в чисто поле на Стугне, бросили на погибель под сабли половецкие! Сами ж, яко зайцы, разбежались по своим теремам! Всех нас изрубили половцы-сырядцы, я ж в полон угодил, чудом выжил, а после убёг! Долго скитался по земле родимой, везде видел, сколь нашему брату худо живётся! Чего тамо поганые, коли сами князья смуту меж собою чинят! А нам костями ложиться за них?! Нет, братья! Давай, бей княжьих холуёв! Айда к терему княжому!

По площади пронёсся глухой робкий ропот. Кто-то из толпы визгливо выкрикнул: «Долой Мономаха!» И тотчас же народ всколыхнулся и дружными яростными криками стал поддерживать Милонегга:

– Долой Мономаха! Ольга хотим²⁷ князем! Бей бояр-кровопивцев!

Разъярённая толпа хлынула к княжескому терему. Дружинники впопыхах выскакивали из гридниц и, вооружаясь длинными копьями, в несколько рядов выстраивали заслон.

В долгом травчатом опашне²⁸ зелёного цвета с широкими рукавами, опоясанный мечом, невысокий, но плотно сбитый и широкий в плечах, на крыльце хором появился князь Владимир Мономах. Сощурился по привычке серые внимательные глаза, он пристально всмотрелся в беснующуюся толпу, словно пытаясь выискать в ней главных смутьянов, зачинщиков столь внезапно вспыхнувшей встани²⁹.

– С чем пришли, други? Чем недовольны? – негромко, но твёрдо и уверенно, без малейшей тени сомнения в своей правоте, спросил он.

– Пришли путь те с Чернигова указать! – послышался в ответ такой же твёрдый, заглушивший злобные крики толпы голос.

Владимир тотчас узнал Милонегга.

«А ведь сказывали люди, будто пал Милонег на Стугне в сече», – с немалым удивлением подумал князь.

– Чем я вам плох? – спросил он, умело скрывая волнение. – Али заместо того, чтоб супротив поганых биться, умыслил ты, Милонег, смуту в городе зачать?

²⁶ Лукомль – древнерусский город в междуречье Западной Двины и Днепра, ныне – в Витебской области Белоруссии.

²⁷ Хотем (др. – рус.) – хотим.

²⁸ Опашень – верхняя одежда с короткими рукавами, обычно летняя.

²⁹ Встань (др. – рус.) – восстание, бунт.

– Хватит, навоевались под твоим началом. Помним, как бросил ты людей посадских³⁰ на погибель под сабли половецкие! – вскричал Милонег.

– Так что ж, Ольга захотели во князи?! Что ворогу Русь продал?! – разгневался Владимир. – Не ты ли, Милонег, первым ослушался совета моего реку не переходить, не из-за тебя ли биты были полки и дружины наши на Стугне?!

– Супостат! Душегубец! Супротив ряда Ярославлева на столе в Чернигове сидишь! – не слушая его слов, неистовствовала толпа.

– Со Стугны я не бежал! Не хотел я сей битвы, отговаривал князя Святополка! Вот вам истинный крест! – Владимир горячо перекрестился и поцеловал нательный серебряный крестик.

– Сказывай сказки! – заорал Милонег. – Ну-ка, бей их, робяты!

Толпа грозно надвинулась на стоявших вокруг тына дружинников. Владимир, понимая, что шумом и спорами дело не кончится, подозвал мечника Бусыгу и гневно отрезал:

– Гнать их! Крикунов же, зачинщиков смуты сей, хватать и вешать без жалости!

– Не круто ли? – осторожно спросил помрачневший Бусыга.

– Не время нынче для уговоров! – сдвинув брови, перебил его князь. – Неровен час, Ольг нагрянет, поганых под город приведёт, а у нас тут... – Он не договорил и досадливо махнул рукой.

Дружинники, выставив впереди себя острые копья, сдерживали натиск смердов и посадских людей, по большей части безоружных, хотя кое-кто и захватил с собой топор или дреколь. Когда же пыл толпы при виде булатных кольчуг и смертоносных копий заметно поугас, воины оттеснили её за ворота детинца³¹. Через четверть часа вся площадь перед княжеским дворцом была пуста. Устрашённые люди разбежались и попрятались по домам, и только Милонег, окружив себя горсткой ярых приверженцев, готовых лезть хоть в огонь, отчаянно бился у ворот с наступающими дружинниками. Размахивая огромной дубиной, он с ожесточением ударял ею по булатным шеломам и кольчужным оплечьям. Недюжинная сила помогла ему, растолкав гридней, рвануться к крыльцу, где стоял Владимир.

– Получи, ворог! – Задыхаясь от злости, Милонег замахнулся на князя. Ударить бывший ополченец не успел, кто-то из гридней³² изловчился и выбил-таки дубину из его могучих дланей³³. От резкого толчка Милонег не удержался на ногах, упал и скатился вниз по деревянным ступеням.

Подоспевшие воины связали его крепкими ремнями. Милонег злобно хрипел, тщетно стараясь порвать ремни.

– Повесить сего лиходея! – коротко повелел князь Владимир.

Круто повернувшись, он быстрым шагом сошёл с крыльца во двор.

– Кровопивец! Думаешь, победил нас?! Нет! Народ тебе ещё отомстит за меня! И за иных также!³⁴ – тяжело дыша, с яростью выпалил прямо в лицо князю Милонег.

Владимир внезапно вскипел. Ухватив смутьяна за грудки, он притянул его к себе и в гневе процедил:

– А ты, мразь, с народом себя не равняй! Ты кровь людскую зазря пролить измыслил! И тогда, на Стугне, и сейчас! Ишь, возомнил, будто о людях радеешь, а сам... Тьфу! Глядеть на тебя тошно! Дурак ты, Милонег, дураком был, таковым и умрёшь! Не понять тебе, видать, что супротив земли родной идёшь, хоть и речёшь иное. Смутьян ты, коромольник, и всякий, кто

³⁰ Люди посадские – жители городских посадов, ремесленники и мелкие купцы.

³¹ Детинец – укрепленная часть древнерусского города, то же, что кремль.

³² Гридни – категория младших дружинников. Часто выполняли функции телохранителей при князе.

³³ Длань (др. – рус.) – рука.

³⁴ Также (др. – рус.) – также.

тебе подобен – Руси ворог пуще поганого любого! Тако и ведай! Хотя б пред смертью своею един раз подумал, что створил! Тож! Защитник народный! Крикун пустоголовый! Падаль!

Милонег заправленно, как пойманный волк, вращал налитыми кровью глазами и ничего не отвечал. Двое дружинников, подхватив его под руки, повели вешать. Владимир отрешённо глянул ему вслед и побрёл прочь.

«И за что меня в Чернигове столь не любят? – размышлял он. – Что худого сделал я людям? Только того, что князь еси? Но вот ведь в Переяславле, в Ростове, в Смоленске совсем иначе было. Там люд чтит меня и поныне и иного князя иметь не хочет. А черниговцы? Сколько я им добра створил: и стены новые возвёл, и рубежи крепил, и поганых не раз отгонял, и не драл по семь шкур, как Святополк с туровцев. Что поделать: помнят черниговцы князя Святослава покойного, Ольгова родителя. Весь город прямым молился на него, особо после победы над половцами под Сновском³⁵. Потому и Ольга забыть не могут, и меня пришлым считают, чужим. И ещё ведают люди, что Ольг с погаными в союзе, потому и мыслят иные: коли станет он князем в Чернигове, так и набегов не будет боле. До чего глупы бывают люди?! Ужель не разумеют, что набегам да разбоем половцы и живут, и кто бы на столе ни сидел, всё едино они придут, сожгут, уведут в полон, убьют? Может, и ведают се иные, но как утопающий за соломинку хватается, тако и они в Ольга веруют».

За городом горела багрянцем вечерняя заря. Князю вдруг подумалось: заря эта – предвестница грядущих событий, радостных и печальных. Много дел ожидает его впереди. Но не будь он Владимиром Мономахом, если не сможет соединить все силы Русской земли, собрать всю её энергию и волю, чтобы на поле брани уничтожить разбойничью вражью орду.

Раньше Владимир как-то не думал, что значит для него и для всей Руси борьба с половцами – этим беспощадным коварным врагом. Учёные монахи, удалившиеся от мира в мрачные кельи, пишут: половцы – батоги Божьи, посланные на людей для их исправления и укрепления в вере. Исправления и укрепления! Монахи и сами, наверное, не уразумели, сколь верно они написали. Да и он, Владимир, доселе не задумывался над сими словами, просто ходил в походы, бился, побеждал, добывал и для себя, и для земли своей ратную славу. Лишь теперь открылось ему – победы над погаными способны сплотить Русь, возродить её былое единство. Ведь в битве все вместе, все плечом к плечу: купец и ремесленник, боярин и холоп. Где же есть единение ратное, там и единение державное. Вот покойный отец, князь Всеволод, не осознавал важность больших походов на половцев – всегда казались ему стычки с погаными чем-то не столь уж и важным, просто отмахивался он от них, как от назойливой противной мухи.

«Эх, отче, отче! – с горечью подумал Владимир. – А ведь хотел ты земле блага. Не уразумел токмо³⁶, что, руша клятвы, расходуя силы на пустое, на которы с родичами, на козни и заговоры, нельзя стать великим, нельзя худым путём вершить добро».

Владимир словно почувствовал сейчас, понял со всей отчётливостью, какое тяжкое бремя валится ему на плечи. Он должен, обязан возглавить борьбу с половцами, никому другому ныне это не под силу. Святополк – думает о себе, но не о Руси, Олег – и вовсе с погаными дружбу водит, Давид Святославич – слишком слаб и осторожен, неведомо на чьей стороне будет, Всеслав – тот и от степи далече, и за свой токмо Полоцк³⁷ держится.

...Ох и трудна задача! Невесть сколько сил и сколько лет отнимет она! Но, что бы там ни было, должен он, князь Владимир Мономах, свершить задуманное, должен объединить Русь для борьбы с половцами, пресечь крамолы³⁸, убедить князей в важности союзов, пусть сперва токмо ратных. Тогда добудет он славу – и себе, и земле своей, и своему времени.

³⁵ Сновск – город на реке Снов, к северу от Чернигова. В 1068 году князь Святослав Ярославич с 3000 дружинников разгромил под Сновском половецкое войско численностью 12 000 воинов.

³⁶ Токмо (др. – рус.) – только.

³⁷ Полоцк – город в Северной Белоруссии, на Западной Двине, в X–XIII веках столица княжества.

³⁸ Крамола – заговор.

В эти мгновения окончательно понял Владимир: вот он, способ искоренения крамол, который столь тщетно отыскивал без малого пятнадцать лет его покойный отец.

Глава 3. «Тамо видно будет»

В горнице киевского дворца в изразцовой печи полыхал огонь. Неровные переливчатые отблески выхватывали из темноты часть стены с майоликовыми³⁹ щитами и скрещёнными мечом и секирой. На столе горела толстая пудовая свеча. Мрачный Святополк, понуриив голову, в тяжком раздумье опустил взор долу. Напротив него – две маленькие девочки-дочки, Сбыслава и Предслава, отроковицы одиннадцати и шести лет, обе с заплаканными глазами, тихие. Здесь же на скамьях в чёрных траурных одеждах сидели ближние бояре.

К свалившимся на голову новоиспечённого киевского князя бедам на прошлой седмице добавилась ещё одна: умерла жена, Лута, дочь чешского князя Спитигнева⁴⁰. Немолода была, превосходила своего супруга летами, в последнее время сильно хворала, но всё же смерть подкралась к ней как-то вдруг, внезапно. Вот вроде ещё недавно сидела Лута рядом с ними за столом, радовалась мужним успехам, а ныне...

Одно-единственное утешение находил Святополк, когда по долгим теремным переходам пробирался на самое верхнее жило⁴¹ дворца. Там обитала его наложница – чудинка⁴², мать двоих княжеских сынов – Мстиславца и Ярославца. Детьми она не занималась, переложив все хлопоты о них на плечи кормилиц. Даже сказала единожды Святополку о только-только родившемся Ярославце:

«Робёнок сей – токмо твой. Мне он не нужен. Хочешь – оставь себе, хочешь – скорми собакам».

Красивая баба чудинка, и прикипел к ней Святополк. Не то чтобы влюбился по уши, но вот словно приворожила его к себе белокурая бестия, умела и приголубить когда, и отдаться со всей своей страстью, а в постели вытворяла такое, о чём ранее Святополк и слыхом не слыхивал.

Правда, что касалось Мстиславца, то закрадывались у Святополка сомнения, его ли то сын. Ведь до встречи с ним, верно, не с одним отроком или сынком боярским предавалась в Новгороде сия чудинка блуду. Да и после, как знать.

Мстиславца отправил Святополк наместником в Берестье⁴³, тогда как Ярославец сидел сейчас рядом с отцом, посверкивая живыми внимательными глазами на сестёр.

Норов у обоих чудинкиных сынов какой-то дикий, необузданный. То промеж собой подерутся, то учинят драку с боярскими отпрысками. Ярославец давеча сбил во дворе камнем голубя, а после с остервенением топтал его ногами, сапожки тимовые⁴⁴ все перемазав птичьей кровью и перьями. Не понимал Святополк, откуда у сына такая жестокость.

Дядька-угорец⁴⁵ называл Ярославца – Бесен. Мол, бешеный нрав у княжича. Девять годов сыну. Пора бы и о невесте думать. Вёл Святополк переговоры с угорским королём Ласло, благо была у короля маленькая дочь Аранка.

Нынче чудинка оделась скромно, в платье чёрной тафты, и сама хлопотала на поварне у печи, не доверяя служанкам готовить поминальный пирог. К столу, однако, не подошла, видно, понимала, что лишняя здесь.

³⁹ Майоликовый – изготовленный из обожжённой глины, покрытый глазурью и красками.

⁴⁰ Спитигнев II – чешский князь, правил в 1055–1061 годах.

⁴¹ Жило (др. – рус.) – ярус, этаж.

⁴² Чудинка – то есть родом из чуди. Чудью на Руси называли предков совр. эстонцев, а также жителей берегов Северной Двины (чудь заволочская).

⁴³ Берестье – ныне город Брест на юго-западе Белоруссии.

⁴⁴ Тимовый – сафьяновый.

⁴⁵ Угорец – венгр.

Ярославец неспешно, с аппетитом уплетал рыбную кулебяку, хлебал наваристые щи. Святополк ел нехотя, девочки же почти не притрагивались к пище.

Уже когда сели за стол, явилась вся в чёрном мать Святополка, княгиня Гертруда. Редкой гостьей была она в доме у сына, с покойной Лутой они друг дружку едва переносили, но такое событие семидесятилетняя вдова пропустить, конечно, не смогла.

Святополк угрюмо оглянул сидевших на скамьях ближних бояр в тёмных одеждах, дочерей, сына, мать и тяжело вздохнул.

«Ну и семейка у меня! Чёрт-те что! Один ентот Бесен чего стоит! В мать мою – вот в кого, верно, выдался! Эх, отнести бы траур да заполучить в жёны какую-нибудь высокородную королевну или царевну. Рожала бы детей».

Кашлянув в кулак, медленно поднялся со скамьи высокий, полный, с широкой окладистой бородой тысяцкий Путята Вышатич.

– Княже великий! Все мы скорбим о кончине благоверной княгини Луты, – начал он осторожно. – Разумею, тяжело оно. Одно сказать мыслью: какие бы горести ни одолевали нас, но жить тебе, княже великий, дальше и владеть нами. Веруем: пройдёт, схлынет година тяжкая. Нынче, однако, обложили нас со всех сторон половцы поганые. Уж и не ведаем, как от них отбиться. Дак вот: посидели мы, бояре стольнокиевские, да подумали, как землю Русскую от разора оберечь. И порешили... – Он на мгновение умолк, словно собираясь с силами, и продолжил: – У хана главного приднепровских половцев, Тугоркана, аль Тогорты, тако его греки кличут, дочь есть младая. Вот бы...

– Да ты чего, боярин?! – Святополк вскочил со стола. – Чтоб я, князь владетельный, Премудрого Ярослава внук, на поганинке...

– Охолонь, княже! – довольно резко перебил Святополка старший брат Путяты, старый, седой как лунь, Ян. – Не послушал ты нас, погубил ратников на Стугне, дак топерича⁴⁶ неча тут кочевряться! Мир с погаными творить надобно!

Опытный воевода, Ян Вышатич пользовался среди киевских «набольших людей» непрекаемым авторитетом и даже князю мог в глаза сказать всё, что думает. И Святополк, лицо которого аж перекошилось от злобы, сдержался, стиснув кулаки.

Поднялся смуглолицый Иванко Захариич Козарин, служивый иудей, ныне один из главных киевских воевод. Старый приятель Святополка, он сказал мягко, лукаво подмигнув князю чёрным глазом:

– Женильба твоя, великий княже, мера вынужденная, чтоб Тогорту утишить. А потом, после, минует лето-другое, оно и видно будет, как нам поступить.

Намёк лукавого иудея Святополк отлично понял. Ещё даже ни разу не выдав дочь хана, он уже возненавидел её.

– Дочь ханская и крещение святое примет. Получит имя христианское. Как иначе? – веско добавил высокий и худой Переяславский епископ Ефрем, после смерти митрополита Иоанна бывший Местоблюстителем престола.

Один за другим вставали бояре, говорили о важности перемирия с половцами, и Святополк, уже согласный с ними, лишь обречённо вздыхал.

– Будь по-вашему, – наконец вымолвил он тихо и добавил уже громче: – Послами и сватами к половцам поедут Иванко и Коницар. Я же... слёзы мои ещё по почившей княгине не высохли. Оставьте меня.

Князь решительно встал со скамьи. Один за другим бояре отвешивали ему поклоны и скрывались в переходе. Проводив взором последнего, Святополк устало плюхнулся обратно на скамью.

– Тамо видно будет, – пробормотал он, через силу улыбнувшись сыну.

⁴⁶ Топерича (др. – рус.) – теперь.

Мать, Гертруда, неожиданно взвилась:

– А что, сыне, лучше с сей чудинкой чумазой, с девкой блудной жить тебе и байстрюков⁴⁷ плодить?! – крикнула она.

Дочь польского князя Мешко Второго⁴⁸, отличалась Гертруда буйным нравом. Бесена и брата его знать не хотела, зато в обеих внучках души не чаяла.

– Довольно, мать! – огрызнулся Святополк. – Сказал уже: тамо видно будет.

– Гони прочь блудницу! Стыд-позор! Владетельный князь, и живёшь бог весть с кем! – продолжала гневаться, раздувая ноздри своего острого носа, Гертруда.

– Не твоего ума дело, с кем я тамо живу! – Святополк зло скрипнул зубами. – Сама не ангел! Не в том забота наша нынешняя. С погаными умириться надобно.

Он обвёл взором притихших дочерей, сына и снова тяжело вздохнул.

⁴⁷ Байстрюк, или бастард, – незаконнорождённый.

⁴⁸ Мешко Второй – польский князь, правил в 1025–1034 годах.

Глава 4. Союзники и враги

Шуршали под копытами скакунов высокие сухие травы. Скрипели возы, лязгало железо. Святополк во главе отряда дружины медленно ехал вдоль берега Днепра. Позади осталось устье злосчастной Стугны и валы Триполья над нею, по пути чередой шли пустые, спалённые половецкими ордами сёла, пахло гарью. Над пепелищами зловеще кружили хищные птицы. Святополк стискивал в злобе зубы, терпел. Ехали молча, держались насторожённо, опасаясь неожиданного нападения. Но вокруг было тихо. На сей раз, видимо, Тогорта и его приближённые действительно решили уладить дело с киевским владельцем миром.

Наконец вдали запестрели шатры и юрты. Святополк велел своим воинам остановиться и разбить стан на круче над Днепром. Поскакали в обе стороны гонцы.

И вот он уже сидит в огромном шатре напротив хана и бросает на него короткие взгляды исподлобья. Тогорта, светловолосый и голубоглазый «белый куман», худощавый, свирепого вида, с выдвинутой вперёд нижней челюстью и рассечённой надвое губой, медленно, небольшими глотками пил из оправленной в золото чаши кумыс. Хану было шестьдесят пять лет, уже многие годы возглавлял он приднепровские кочевья половцев. По правую руку от него сидел его старший сын, такой же худой, с резко выступающим кадыком на тонкой шее. По другую сторону от Тогорты удобно устроился на кошмах, скрестив под себя ноги, молодой половец с правильными чертами лица, смуглолицый и большеглазый. Единственное, что портило его лицо – это несколько гнойных язв и струпуев на щеках.

«Боняк! Шелудивый Боняк! Первый соратник Тогорты! Глава племени Бурчевичей – Волков!» – понял Святополк, через силу любезно улыбаясь.

Вместе с ним улыбались Иванко Хазарин, Коницар, Путята и другие ближние люди князя. В свою очередь, расплывались в улыбках солтаны, беки, беи⁴⁹, окружавшие Тогорту и Боняка.

Раньше половецкие орды часто враждовали друг с другом, у них не было постоянных мест кочевания, они без конца перемещались по огромным пространствам причерноморских степей, лишь на время разбивая в удобных местах свои становища. Но в последние времена всё изменилось, земли были поделены между отдельными ордами и племенами, появились постоянные зимовища, возникали в степи города. Мелкие орды объединялись между собой, сплачивались вокруг наиболее сильных ханов, на смену стычкам с русскими дружинами на пограничье пришли крупные разбойничьи набеги. Половцы становились всё более опасным врагом для Южной Руси. Это начинал понимать и Святополк, доселе полагававший, что имеет дело с толпой слабо организованных дикарей. Но всё же нынешние переговоры представлялись делом крайне унижительным для него, русского князя.

Ханам преподносились дорогие подарки, оружие, узорочье, изделия из серебра и золота. Тогорта и его соратники удовлетворённо кивали головами, один Боняк своим видом показывал равнодушие ко всему, что происходило вокруг. Святополку казалось, что этот молодой хан не сводит с него своих недобрых чёрных глаз, в которых словно вспыхивают временами молнии жгучей ненависти.

– Ты хорошо сделал, каназ, что заключил с нами мир, – говорил Тогорта, отхлёбывая кумыс и лукаво посмеиваясь.

Был роскошный пир, лилось вино, подавались обильные яства. Молодые половчанки, тонкостанные, красивые, с неизменными заискивающими улыбками на лицах, подавали кушанья. Иванко Захариич, хорошо знавший половецкую речь, взялся толмачить и бойко переводил слова хана плохо понимающему мольв степняков Святополку.

⁴⁹ Солтан – у половцев – глава орды, бек – глава рода, бей – глава семьи. Несколько орд объединялись в племя, во главе которого стоял хан.

– Сейчас ты увидишь свою невесту, каназ! – объявил наконец Тогорта. – И знай: моя дочь – не просто красавица! Она побывала в бою, владеет саблей и стреляет из лука лучше любого батыра!

«Верно, и наших ратников там, на Стугне, разила, тварь, – со злобой подумал Святополк, проникаясь к этой совсем незнакомой ему девушке ещё большей ненавистью. – Ничего, ничего, князь! – попытался в мыслях он ободрить сам себя. – Всё это пройдёт! Даст Бог, будет у тебя и княгиня достойная, и чада. В сорок три года ничего ещё не потеряно».

Приложив руку к сердцу, он по-прежнему улыбался через силу и говорил, что обязуется дружить с ханом и его ближними людьми.

– Хочу иметь дружбу со столь доблестным воином, как ты, о хан! Вместе мы сокрушим всех наших врагов. И с тобой, отважный Боняк, я тоже буду пребывать в мире и союзе.

Тогорта и его сын в ответ сыпали слова с заверениями мира, Боняк же молчал, поджимая губы.

«А этот враг более страшный и опасный, чем все остальные», – успел подумать Святополк, прежде чем Тогорта громко хлопнул в ладоши.

В шатёр вступила, закрывая лицо широким рукавом цветастого платья, молодая девушка. Вначале она немного оробела, но затем опустила руку.

– Айгюн! Любимая дочь! – принялся хвастаться Тогорта. – Её имя означает «Лунный день». Посмотри, каназ, как она красива!

Дочь Тогорты была довольно хороша собой, но назвать её красавицей можно было едва ли. У Айгюн были круглые щёки и широкий вздёрнутый нос. Глаза и волосы у девушки были светлые, вообще она сильно походила на отца.

«Подсунул худой товар, гад!» – Святополк снова через силу улыбался, прикладывая руку к сердцу, говорил о дружбе и союзе.

После долгих пиров русы отправились в обратный путь. Айгюн отказалась ехать в возке и взобралась на коня. Вместо дорогих платьев стан её облегла дощатая броня, вместо убруса на голове красовался воинский шлем.

– На рать, что ли, собралась? – спросил через Захариича Святополк, подозрительно оглядев боевой наряд невесты.

– Я не доверяю тебе, каназ Святотолк! Ты – враг моего отца! Сердце говорит мне, что твои слова о дружбе полны лжи и обмана! – нехотя перевёл слова девушки Иванко Козарин.

За весь дальнейший путь до Киева князь не обмолвился с невестой ни единым словом. В стольном же ханскую дочь сразу обступили попы и монахини и стали готовить её к скорому таинству крещения.

Святополк после короткого молебствия в соборе Софии поспешил на верхнее жило своего терема. Утопая в жарких объятиях любимой наложницы, он жаловался:

– Бог на меня прогневался, милая! Послал мне испытание тяжкое! Ненавижу, ненавижу сию поганинку! Изведу её, дрянь!

Чудинка ласково проводила ладонью по начинающим сесть волосам князя, огладила его долгую узкую бороду, грудным нежным голоском проворковала:

– То ничего, княже! Я ить у тя есь!

В объятиях красивой наложницы отходил Святополк от ненависти и злобы. Хотелось ему запереть дочь Тогорты где-нибудь в покое (а ещё лучше в келье монастырской) и жить вот с этой женщиной, такой податливой, близкой, готовой простить ему всякое прегрешение. Но, увы, так пока не выходило.

Дочь Тогорты получила при крещении имя Елена. В первую же брачную ночь супруги, вместо того чтоб совокупиться, подрались. Святополк долго старался скрывать у себя на щеке царапины, оставленные острыми женскими ноготками. Верный слуга по утрам смазывал ему лицо густым слоем целебной мази.

... Возвращались после удачных переговоров в свои кочевья и половцы. Ехали, облачённые в калантыри⁵⁰ и юшманы⁵¹, чутко прислушиваясь к каждому шороху в степи. Боняк, долго молчавший, подъехал наконец к Тогорте и недовольно проговорил:

– Зачем, хан, отдал ты свою дочь этому урусу? Разве ты не видишь, что он – наш враг, что он просто хочет выиграть время, зализать раны, а потом... Он погубит нашу красавицу Айгюн!

– Ты молод, Боняк, и многого не понимаешь, – кривя изуродованные уста, возразил ему Тогорта. – Да, каназ Свiatoплуг – наш враг, и перемирие с ним – дело нескольких месяцев. Ну, может, двух или трёх лет. Но главный враг кипчаков⁵² – не он. Каназ Мономах – вот кто самый опасный из урусов! Выдав Айгюн за Свiatoплуга, я лишил нашего главного врага важного союзника. Теперь я пошлю людей в донские кочевья и подниму в поход на Чернигов солтана Арсланапу и других кипчаков. И мы выбьем Мономаха из этого города и уничтожим его! И посадим на черниговский стол каназа Олега! Он давний наш друг!

– Чтобы разделаться с Мономахом, ты пожертвовал своей дочерью, хан! – зло выпалил Боняк. – Почему не отдал ты её мне?! Ведь мы любили друг друга!

Теперь уже вспыхнул Тогорта.

– Забудь все эти детские игры, Боняк! Что там была у вас за любовь?! Брось! Или тебе мало своих жён! Вон какая у тебя красавица Сарыкиз, моя двоюродная племянница! У неё волосы цвета солнца и глаза цвета неба! Не один кипчак засматривается на неё! И не один урус завидует тебе, хан!

Боняк нехотя прикусил уста.

– Скоро мы пойдём в новый поход на урусов. Пойдёшь со мной? – спросил Тогорта, положив руку в кольчужной рукавице на плечо Боняка.

Молодой хан решительно сбросил её со своего плеча.

– Не пойду! – коротко прохрипел он, круто поворачивая своего мохноногого коня в сторону.

Вечером, когда половцы остановились на отдых, орды Боняка покинули стан Тогорты и ушли за Днепр, в сторону реки Самары.

⁵⁰ Калантырь, или колонтарь, – защитный панцирь без рукавов, из металлических пластин, скреплённых кольчужным плетением. Состоял из двух половин и застёгивался с боков и на плечах.

⁵¹ Юшман – панцирь с кольчужными рукавами.

⁵² Кипчаки – самоназвание половцев. В Западной Европе и Византии их называли куманами.

Глава 5. Помыслы князя Олега

Над степью плыли иссиня-чёрные грозовые тучи, гремел гром, сверкали яркие вспышки молний. Тяжёлые капли дождя падали на сухую, истоптанную лошадьми траву и звонко барабанили по шлемам Олеговых воинов. Ратники хмуро взирали вдаль; где-то там, за холмами и могучими полноводными реками, простирается родная Русская земля, которую многие из них не видели долгие годы. И всё это время окружали их ожесточённые узкоглазые кочевники, жаждущие одного – грабежей, полона, золота.

Князь Олег поднял голову, подставил под дождь бронзовое от загара лицо, снял шлем с кожаным подшлемником и огладил рукой волнистые пепельного цвета волосы.

– Дождь. Первый за всё лето, – хрипло вымолвил он. – Хоть землю освежит.

Молодой хан Сугра, оскалив зубы, указал грязным перстом на небо.

– Ты видишь, каназ, как ветер гонит тучи на землю урусов. Так и мы, кипчаки, пойдём на них, и ты вернёшь себе то, что отняли у тебя твои братья.

Олег равнодушно взглянул на хана. Сколько можно обещать?! Степнякам не надо ничего, кроме военной добычи, кроме невольников, которых затем гонят на продажу на рынки Каффы⁵³, Сурожа⁵⁴, Херсонеса⁵⁵, – этим они живут. На него, бедного изгнанника, им наплевать. Пусть себе княжит в Тмутаракани⁵⁶, чеканит свои златники и сребреники с надписью: «Господи, помоги Михаилу!⁵⁷», строит в Шарукане, главной ставке восточных половцев, деревянный русский терем – какое степнякам до него дело? Нужны деньги, дорогие ткани, изукрашенное чеканкой оружие? Нет, этого мало, ханы лишь качают головами и не хотят идти на Чернигов, боятся стремительных ударов конных дружин Мономаха. Луч надежды для Олега забрезжил, лишь когда пришла весть из Киева, что стрый⁵⁸ Всеволод тяжело болен и, по всему видно, скоро умрёт. Ханы Шарукан и Тогорта поклялись помочь. А сейчас ещё и этот Сугра, близкий родич Шарукана и, как говорят многие, наследник власти этого старого хана, кочующий со своими ордами на донских берегах, тоже клянётся. Только разве можно верить половецким клятвам!

Олег пребывал в тяжком раздумье.

Вроде всё было у него – и воля, и смелость, и умение ратное, и любила его с молодости дружина, но отчаянно не везло ему в жизни, всюду терпел он неудачи. Не мог, пожалуй, Олег постичь одного для свершения великих дел должна быть у человека великая цель, и вот её-то, этой цели, никогда у него не было – лишь гордость, уязвлённое самолюбие, жажда мести вели его по жизни, и ради мести способен он был поступиться чем угодно. Поэтому, наверное, многие воины, некогда любившие своего князя и готовые в любой миг постоять за него, теперь, как песнетворец Боян, покидали Олега и уходили на Русь, на прощание бросая злые и обидные, как пощёчина, слова:

– Да рази ж ты князь русский?! Половчин ты поганый, ибо супротив земли родной котору измышляешь.

Олега пугали такие прямые, дерзкие, но во многом справедливые речи, он пытался объяснить и воинам, и самому себе (а себе-то прежде всего), что иного пути нет, но на него смотрели с презрением и укором и, вставая, говорили:

⁵³ Каффа – ныне г. Феодосия в Крыму.

⁵⁴ Сурож, иначе Сугдея, – г. Судак в Крыму.

⁵⁵ Херсонес – древний город в Крыму, византийская колония. Руины Херсонеса – вблизи совр. Севастополя.

⁵⁶ Тмутаракань – ныне Тамань, в X – начале XII века – русская колония, центр Тмутараканского княжества.

⁵⁷ Михаил – крестильное имя князя Олега.

⁵⁸ Стрый (др. – рус.) – дядя со стороны отца.

– Этак не годится, княже. Прощай.

Что же остаётся ему? Бросить всё и бежать на Русь, ведь он так сильно скучает по ней, по родным местам, по Чернигову, с детства близким его улочкам, площадям, соборам? Ведь он знает и помнит там каждый дом, каждый камень, каждое дерево!

Но вот всплывает в его памяти сначала ссылка на Родос⁵⁹, а затем словно выныривают из призрачного тумана лица Всеволода, Святополка, Мономаха – злейших врагов, отнявших у него отцовские земли, и жажда мести и власти подавляет иные чувства и мысли, поглощает всё существо и влечёт, влечёт неостановимо из облитой солнцем Тмутаракани в бескрайние просторы половецких степей.

Да и что Тмутаракань?! Злата, серебра, чтоб чеканить монеты, покуда хватает, а вот земли мало, больших урожаев не соберёшь. Мог бы Олег процветать, мог бы иметь огромные доходы от торговых пошлин, мог бы платить дружинникам звонкие арабские дирхемы⁶⁰ и ромейские⁶¹ номисмы-скифагусы⁶² с ликами базилевсов⁶³, да где взять их – поток торговцев с товарами иссяк, как пересохшая речка. Не до торговли стало людям на Чёрном море: под Константинополем⁶⁴ рыщут турки и печенеги⁶⁵, на Дону половцы, «любезные союзнички», так и ждут, как поедет из Тмутаракани какой купец с товаром – тотчас, стойно волки алчные, кинутся и отберут всё его добро. Поневоле станешь глядеть на Черниговский край – земля жирная, чернозём, пашни сколько угодно, реки полноводны, богаты рыбой, леса с бортьями⁶⁶ и пушным зверем. Доходы там – не сравнить с тмутараканскими.

Князь с трудом оторвался от невесёлых размышлений.

Засеребрился впереди Донец, на берегу его открылись взору хорошо знакомые земляные укрепления Шаруканя. Олег поторопил своих людей. После долгого утомительного пути ему хотелось, наконец, вернуться в свой свежесрубленный терем... Хотя разве можно считать своей собью⁶⁷ то, что столь далеко от Руси, её сёл и городов, от милого сердцу Чернигова?! Что он, князь Олег, имеет здесь, что ему дорого? Да, у него жена-красавица, ромейская аристократка Феофания Музалон, дети, холопы, кони, но более ничего и нет: ни власти, ни уважения, ни славы, ни родины!

Челядинцы кланялись князю в пояс и смотрели исподлобья испуганно и заискивающе.

Навстречу Олегу, громкими возгласами приветствуя отца, выбежали трое маленьких сыновей в долгих белых рубашонках: Всеволод, Игорь и Глеб, очень похожие на свою мать, светлолицые, черноволосые, с большими чёрными глазами. Олег брал их на руки, сажал на плечи и клялся сам себе в том, что дети его получают принадлежащее им по праву – родину их отца, Чернигов. Ради этого стоит претерпевать лишения и, унижая своё достоинство, просить ханов о помощи. Пусть так, чужими руками, руками врагов Руси, но он, Олег, вернёт себе княжеский стол и отомстит. Иначе и жить ему более не к чему.

⁵⁹ Родос – остров в Эгейском море, в Средние века принадлежал Византии, был местом ссылки знатных лиц.

⁶⁰ Дирхем – старинная арабская монета.

⁶¹ Ромейский – византийский. Ромеи (т. е. граждане Рима) – самоназвание византийцев. Ромея – Византия.

⁶² Номисма-скифагус – византийская монета.

⁶³ Базилевс (василевс) – титул византийского императора.

⁶⁴ Константинополь (Новый Рим) – столица Византии, ныне – г. Стамбул в Турции.

⁶⁵ Печенеги – тюркоязычный союз племён, в XI веке были вытеснены половцами из причерноморских степей и кочевали в Нижнем Подунавье.

⁶⁶ Борть – улей в дупле дерева.

⁶⁷ Собь (др. – рус.) – собственность.

Глава 6. Сговор

Как только хан Тогорта и солтан Арсланапа спрыгнули с коней, отрок⁶⁸ побежал доложить князю Олегу о приезде знатных половцев. Широко улыбаясь и прикладывая в знак уважения руку к сердцу, Олег поспешил навстречу разодетым в богатые ромейские платья гостям. Серые глаза его лихорадочно блестели. Что скажут на сей раз сыроддцы? Дадут ли, наконец, обещанную ему помощь?

Олег пригласил половцев в походную вежу⁶⁹. Челядинец разлил по чашам синеватый кумыс. Тогорта коснулся устами пьянящего напитка, брезгливо поморщился и отставил чашу в сторону.

– Урус не умеет делать кумыс! – Он презрительно скривился.

– Да извинит меня хан. Покуда не научились. Но коль поживём тут ещё лет пять, мыслю, содеем как надоть, – промолвил Олег с заметной издёвкой в голосе. – Токмо сколь же скоро ты, о великий хан, снизойдёшь до моей мольбы?

Тогорта засмеялся, неприятно обнажив редкие зубы.

– Мы с солтаном Арсланапой идём в землю урусов. Дашь золото – посадим тебя в Чернигове. И знай: я всегда держу свои клятвы! Пусть хоть один белый или чёрный кипчак скажет, когда хан Тогорта нарушал своё слово, – я вырву ему его лживый язык! – воскликнул он запальчиво.

Олег закивал головой в знак одобрения, но затем, беспокойно взглянув на внезапно умолкших половцев, спросил:

– И сколько ж ратников у вас?

– Много, каназ, – прохрипел, прокашлявшись, Арсланапа, высокий кипчак примерно равных с Олегом лет, темноволосый и смуглолицый, с лицом, изрезанным рядом глубоких шрамов. – Я их не считал.

– И когда ж мыслите вы выступить?

– Потерпи, каназ. Недолго осталось. Когда наши кони насытятся травой и станут быстры, как ветер в поле, мы сокрушим силу урусов! – хищно осклабившись, ответил Тогорта.

– Знай, каназ, – Арсланапа придвинулся к уху Олега и негромко, почти шёпотом сообщил: – Нет в Чернигове покоя. Мои люди говорят: народ бунтует, тебя хотят на стол. Мономах много людей убил, казнил.

– Вот лиходеи! – злобно вскричал Олег, вскочив с кошм. – Ну, я вот ему покажу! Что умыслил! Мирных горожан живота⁷⁰ лишать!

Он в гневе потряс кулаком.

– Имей терпение, каназ, – промолвил Тогорта. – Придёт расплата за пролитую кровь.

– Платить как будешь, каназ? – лукаво сощуриль узкие рысьи глаза, спросил Арсланапа.

– Злата отсыплю, солтан, – ответил не раздумывая Олег. – Сёла же и деревни окрест Чернигова отдаю вам за помочь⁷¹. Берите тамо столько добра, сколько захощете.

Арсланапа, не скрывая удовлетворения, заулыбался и закивал.

...На ночном небе уже давно светила луна и тускло мерцали звёзды, а Олег всё пребывал в раздумье, обхватив руками голову. Ну, придёт он на Русь – и что там обретёт, что увидит? Вся жизнь – сорок лет – пролетела столь быстро и столь глупо! Кто он такой? А кем был?

⁶⁸ Отроки – категория младших дружинников. Считались выше гридней. Часто выступали в роли послгов, гонцов.

⁶⁹ Вежа – здесь: временное жилище, шатер.

⁷⁰ Живот – здесь: жизнь.

⁷¹ Помочь (др. – рус.) – помощь.

Раньше у него был свой дом, своя земля. Был отец, князь Святослав, всегда и во всём ставший ему примером. И его, Олега, Святослав любил паче остальных сыновей, хотя Глеб, Роман и Давид были старше. Это ему был завещан черниговский стол. Давид – всегда спокойный, рассудительный, незлобивый – он бы уступил. Но в единый день всё переменялось. Отец умер, и хитрый кознодей Всеволод, захватив киевский великий стол, прибрал к рукам Чернигов, а он, родившийся и выросший в Чернигове, любимец дружины и горожан, попал в лапы коварных ромеев. Брат Глеб погиб при не совсем понятных обстоятельствах в земле финнов, говорят, расправились с ним новгородские прихвостни Всеволода и Святополка; другого брата, Романа, убили по приказу половецкого хана Осулука, ныне уже также почившего в Бозе. Потом были годы ссылки на Родосе. Всё же он вырвался из полона, но оказался вдруг совсем один, с горсткой верных сподвижников посреди поросшей диким ковылём степи, рядом с немытыми грязными половцами – единственными союзниками в борьбе за отчий стол. Что же дальше? Сердце князя учащённо забилося. Неужели он сможет вернуть утерянное?! Хоть бы поскорей вышли половцы в Русь! А там... Уж лучше погибнуть, пасть в сече, чем до конца дней влачить столь жалкую участь – просить, вымаливать у Тогорты воинов, самому жить в степи, кочевать, подобно дикому половчину! Ни кола ни двора! Хуже, чем у любого смерда⁷² на Руси!

Олег велел челядину зажечь свечи, достал лист харатья⁷³ и, склонившись над низким походным столиком, стал писать грамоту младшему брату Ярославу в Тмутаракань. Ровными прямыми буквами он старательно вывел:

«Вопрошаю тебя, брат мой Ярослав, как здоровье твоё и как тебе там Бог помогает? Нынче приехали ко мне князья Тогорта и Арсланапа, сказывали, будто скоро пойдут на Чернигов. Потому прошу тебя выслать мне злата, серебра, и ратников добрых пришли такожде. Брат твой Ольг».

Сзади подошёл Арсланапа. Скребя за пазухой ногтями (грызут вши), он наклонился к Олегову плечу и спросил:

– В Таматарху⁷⁴ пишешь? Брату?

Олег кивнул и сложил лист вдвое.

– Скажи, солтан, – князь вдруг вздрогнул и резко вскинул голову. – Кто и за что убил брата моего Романа?

– Я не убивал его, каназ. Это Осулук, он убил. Ты хочешь отомстить ему? – Арсланапа натянуто рассмеялся. – Мёртвым не мстят, каназ. Он умер. Ехал, упал с коня в траву. Душа его теперь далеко от нас.

– Что Роман содеял Осулуку худого?

– Не знаю, каназ. – Солтан пожал плечами. – А если бы знал, не сказал тебе. Зачем ворошить прошлогоднюю траву, каназ?

– И вправду. – Олег тяжело вздохнул. – А грамотку сию надоть заутре⁷⁵ ж и отослать, – молвил он, подымаясь с раскладного стульца. – Мешкать не стану.

... Утром особо доверенный Олегов дружинник, вздымая пыль на степной дороге, помчал с письмом на юг, в Тмутаракань, где с нетерпением ждал вестей от брата молодой Ярослав.

⁷² Смерды – категория зависимого населения на Руси. По-видимому, смерды были тесно связаны с князем.

⁷³ Харатья – пергамент.

⁷⁴ Таматарха – хазарское название Тмутаракани.

⁷⁵ Заутре (др. – рус.) – завтра.

Глава 7. В осаде

Как всегда, половцы напали внезапно. Оттеснив сторожевые Мономаховы отряды, они прорвались к берегам Выстри⁷⁶ и, спалив дотла окрестные сёла и деревеньки, змеей метнулись к Чернигову.

Город уже давно жил в тревожном ожидании, по приказу князя Владимира все ворота в околном граде и Третьяке⁷⁷ были закрыты, мосты подняты, на забороллах и стрельницах заняли места неусыпные стражи.

Всё новые и новые половецкие орды стекались к берегу Десны, к Стрижени⁷⁸, занимали места у Болдиных гор, на курганах и возле Предградья. Дозорные русские воины на башнях, с сокрушением качая головами, подсчитывали число обступавших Чернигов вражьих отрядов. Ветер гнал на город клубы чёрного дыма – немые страшные свидетельства бесчинств степняков в сёлах, которые Олег, как и обещал, отдал на разграбление в награду за «помочь».

Ночью половцы разожгли вокруг городского вала десятки больших костров.

«Утра ждуть», – размышлял, стоя на забороле⁷⁹, Владимир. Он с тревогой следил за взрывающимися ввысь столбами огня на равнине перед стенами. Помощи ждать ему было неоткуда. Много ратников полегло в несчастной сече на Стугне, а вдобавок Святополк за его спиной сотворил с половцами мир и теперь спокойно выжидает, сидя за киевскими стенами, как будут дальше развиваться события.

«Словно в кольце огненном сидим тут. Может, прорваться испробовать? Сей же час, покуда темень? И что же: отдать Чернигов Ольгу и половцам, отдать на разграбление, отдать задаром?! Идти в Киев уговаривать Святополка помочь? Пустое, он отговорится под любым предлогом. Тем паче что заключил давеча⁸⁰ мир с ханом Тогортой и даже взял в жёны его дочь. И разве мне хочется повторять путь покойного отца, когда тот, изгнанный тем же Ольгом, молил о помощи отца Святополка, Изяслава? Нет, биться буду, покуда сил хватит. А после?... Нечего загадывать, на всё воля Божья!»

Князь ещё раз обошёл кругом крепостные стены, подбадривая дозорных, и с беспокойством посмотрел на восток: скоро ли займётся заря.

– Ты б поостерёгся, княже, не ходил бы по стене. Стрела какая шальная прилетит. Пуцают они стрелы-то. – Сотник Годин старался прикрыть Владимира щитом.

– Понапрасну за меня не тревожься. Мне на роду написано до ста лет жить, – отшучивался князь. – Да и ночью кто ж стрелять-то будет? Рази полоумный какой. Не видать ведь ничтоже⁸¹.

– Гляди, заря занимается, – указал на небо один из воинов. – Вборзе пойдут, сыроядцы. Владимир выглянул из оконца бойницы.

Вражий лагерь, до того казавшийся безмолвным, пришёл в движение. Половцы устанавливали на телеги кибитки, тушили костры, садились на коней. Вскоре они, уже готовые к штурму, плотными толпами выстроились на поле, выставив вперёд копья. Куда ни направляли русы свои взоры – всюду, до самого окоёма⁸², пред ними представляли эти грозно ощетинившиеся копья, которым, как написал бы летописец, «несть числа».

⁷⁶ Выстри – ныне Остёр, река в Черниговской области, приток Днепра.

⁷⁷ Третьяк – район в юго-западной части древнего Чернигова.

⁷⁸ Стрижень – река, впадает в Десну возле Чернигова.

⁷⁹ Заборол – площадка наверху крепостной стены.

⁸⁰ Давеча (др. – рус.) – недавно.

⁸¹ Ничтоже (др. – рус.) – ничего.

⁸² Окоём – горизонт.

Приняв боевое положение, степняки застыли на месте, придерживая за поводья ретивых скакунов. Вперёд выехал всадник в панцирном калантыре и бобровой шапке. Он остановился возле наполненного водой глубокого рва, задрал вверх голову и, приложив ладони ко рту, закричал:

– Князь Владимир Всеволодович! Князь тмутараканский Олег, сын Святослава, владелец Зихии⁸³, Матрахии⁸⁴ и всей Хазарии⁸⁵, предлагает тебе оставить вотчину его, град Чернигов, и уйти со стола отца его с честью. Ни к чему нам здесь проливать кровь!

Владимир подозвал обладавшего сильным голосом Година.

– Ответь: князь Ольг – что разбойник, что тать лихой, пришёл он на землю Русскую с мечом, а потому не княженья он достоин, но презренья и смерти токмо, яко переветник и прислужник половецкий! Пущай ступает он к себе в Тмутаракань, коли кровь лить не жаждет, но не зарится на чужое добро, своё имея!

Получив ответ, гонец повернул коня. Чуть отъехав, он порывисто обернулся, взмахнул копьём и в бешенстве вонзил его в крепостные ворота. Это был знак к штурму.

Половцы, потрясая саблями, копьями, сулицами⁸⁶, издали воинственный клич – сурен. Конница резко рванула в галоп. Топот тысяч копыт, усиливающийся с каждым мгновением, заглушил свист и дикий вой, извергающийся из пропитых кумысом глоток.

Владимир громким голосом чётко отдавал распоряжения: подготовить котлы с варом – кипятком, который выливали на головы противников при натиске; дозорным – прикрыться щитами; стрельцам – без перерыва осыпать половцев стрелами.

Вместе с погаными нёсся в атаку и Олег со своей дружиной. В стороне на правом крыле Владимир краем глаза узрел хорошо знакомые по прежним сечам тмутараканские стяги и сверкающие на солнце нагрудные панцири воинов.

Одна часть половцев остановилась у рва и залпами, по взмаху руки своего предводителя – бека Кчия – пускала в защитников крепости стрелы, другая же, во главе с Арсланапой, с ходу ринулась на штурм. Первая попытка не удалась – дальше подножия стен половцы не дошли. Потеряв не один десяток воинов, они откатились назад и изготовились к новой атаке. Несколько степняков смешно барахтались в грязной мутной воде рва и тщетно пытались выплыть.

Дав своим ратникам перевести дух, Арсланапа в ярости хлестнул коня и, подняв вверх саблю, снова повёл их на крепость. Поддерживаемые стрелами товарищей, степняки в нескольких местах подвели к стенам окольного града высокие трёхъярусные осадные башни-туры⁸⁷ и прыгали с них на площадки заборолов, где тотчас закипал отчаянный бой.

Вырвавшийся из котлов кипятка несколько охладил пыл свирепых кочевников, но штурм продолжился с новой силой, когда люди Кчия принялись пускать вместо обычных стрел горящие, с пропитанной смолой паклей.

– Княже! На заходней стене пожар! – взволнованным голосом доложил Владимиру подбежавший Бусыга.

– Скорей туда! Показывай, где! – Князь стремительно перебежал по узким и коротким лестницам из башни в башню.

– Оберегись! – кричал, спеша за ним, верный Годин.

⁸³ Зихия – область на Северо-Западном Кавказе, в Средние века населённая племенами зихов, ныне территория между Гагрой и Новороссийском.

⁸⁴ Матрахия – то же, что Тмутаракань и Таматарха.

⁸⁵ Хазария – здесь имеется в виду область в Предкавказье и в Крыму, населённая иудео-хазарами, осколок разгромленного русскими войсками в X веке Хазарского каганата.

⁸⁶ Сулица – короткое метательное копье.

⁸⁷ Тура – осадная башня.

Вся западная стена была в дыму. Как могли, дружинники тушили огонь, но половцы, увидев пламя, ещё более ужесточили натиск. Снизу доносились мерные удары пороков⁸⁸, совсем рядом с Владимиром свистели стрелы. Князь не обращал на них внимания, словно не понимая, что любое мгновение может сейчас стать для него последним.

Годин решительно загородил Владимира щитом.

– Покличь ратников со Стрижени, от Восходних ворот! – приказал князь Бусыге. – Шли гонца, не стряпая!⁸⁹

Стрелы одна за другой вонзались в щит, которым Годин прикрывал князя.

– Ступал бы, княже, в стрельницу! – кричал дружинник. – Не ровён час, убьют, супостаты, а ты нам нужен, вельми ну...

Договорить Годин не успел. Половецкая стрела пропела в воздухе, пробила кольчугу и вонзилась ему в грудь. Взмахнув руками, Годин медленно осел, словно удивлённый случившимся, и припал к стене заборолы.

– Что с тобой?! – испуганно воскликнул Владимир.

– Ничего, княже... Оцарапался малость. Ты не гляди на мя – гляди на сечу. А я... Посижу тут... Немного... И отойду.

Издав глухой стон, Годин повалился набок и бессильно поник головой.

– Боже! Годин, очнись! Не верю очам своим! С тобою прошли мы от младости до седин, всюду вместе были, а ныне вот... – Князь в отчаянии закрыл лицо руками, но тотчас же внезапно вскочил, выпрямился в полный рост и что было силы крикнул, глядя на усеянное трупами врагов поле под стеной. – Князь Ольг! Слышишь ли меня?! Будь ты проклят! Отринет тебя, Гореславича, родная земля! За погибель сотен, тысяч безвинных будешь ты держать ответ! И не будет к тебе снисхождения, не будет жизни! Обрушатся на рамена⁹⁰ твои беды тяжкие! Будешь опозорен ты на века за крамолы свои бесчисленные и нескончаемые!..

Подоспевшие на вырубку дружинники с восточной стены погасили огонь и отбросили половцев вниз.

Ближе к вечеру степняки отступили, рассыпались по полю и опять разожгли вокруг окольного города костры.

Князь, проверив сторожевые посты на стене, спустился по дощатой лестнице с заборолы внутрь крепости. Возле котлов с варом хлопотали воины и горожане, рядом другие, завернувшись в плащи, предавались короткому отдыху. Владимир остановился возле одного из костров, устало присел на кошмы, огляделся вокруг. Внимание его привлекли раздававшиеся из темноты какие-то тихие нечленораздельные звуки – то ли рыдания, то ли всхлипы. Взяв в десницу факел, князь поспешил на звук.

Возле тела Година в серебрящейся кольчуге сидела немая полоцкая поленица⁹¹. Рыжие волосы её были распущены, рукой в железной перчатке она закрыла лицо и тихо, почти беззвучно рыдала. Рядом лежал меч, свет факела выхватывал из темноты её ноги в кольчужных бутурлыках⁹².

Владимир долго молча смотрел на скорбь женщины, а в памяти его возникали картины прошлого. Вот они со Святополком и Арсланапой берут штурмом Полоцк, вот одинокий воин в булатной личине⁹³ на крыльце княжеских хором отчаянно бьётся сразу с несколькими туровцами из Святополковой дружины, вот одолевают его, отбирают меч, срывают личину, и видит

⁸⁸ Порок – осадное орудие, обитое железом бревно, таран.

⁸⁹ Стряпать (др. – рус.) – мешкать.

⁹⁰ Рамена (др. – рус.) – плечи.

⁹¹ Поленица (др. – рус.) – богатырка, воительница.

⁹² Бутурлык – доспех на ноги ратника.

⁹³ Личина – защитная маска на лице.

Мономах перед собой молодую женщину с огненно-рыжими волосами. Вот он решительно отвергает предложение Святополка казнить её, вот она в его шатре пытается броситься на него с засапожником⁹⁴, он перехватывает её занесённую для удара длань, успокаивает, говорит, что не причинит ей лиха. Вот битва под Прилуками, его поединок с предателем Елдегой, и поленица убивает врага сулицей, спасая его, Мономаха, от верной гибели. И вот она возвращается из Новгорода, передавая в его руки подмётную Святополкову грамоту. И как она всякий раз с презрением морщит свой прямой тонкий носик, едва речь заходит об Олеге или о Святополке. Сейчас ей где-то лет тридцать шесть, ещё не стара, и стбит двух-трёх воинов, а то и более. Годин был её боевым соратником, вместе они и с погаными рубились, и в Новгород ездили с тайным поручением. Может, что и было промеж ними. О том не ему, Владимиру, судить.

Узнав князя, поленица сдержала рыдания, смахнула слёзы, вытерла дланью в перчатке нос, через силу слабо улыбнулась.

– Разумею, тяжко. Поутру похороним Година, как подобает. С отрочества моего он в дружине, много путей с ним вместях⁹⁵ прошли, – глухо промолвил Владимир. – Ты покуда ступай передохни. Заутре новый бой нас ждёт.

Поленица послушно кивнула головой и поспешила в гридницу⁹⁶.

⁹⁴ Засапожник – нож, носимый в сапоге.

⁹⁵ Вместях (др. – рус.) – вместе.

⁹⁶ Гридница – помещение в княжеском тереме, где жили гридни.

Глава 8. «И облизывались на нас, как волки»

Восьмой день осады подходил к концу. Поле, заборолы, ров – всё было заполнено телами убитых, над которыми кружили, зловеще каркая, чёрные вороны. По ночам, когда шум боя стихал, они садились на землю и с ожесточением клевали человеческое мясо.

Половецкие сторожи не отгоняли их: по поверьям, душа съеденного птицами или зверями, которых никто не кормит, попадает в рай.

«Завтрашний день осады будет последним, – с горечью рассуждал Владимир. – Слишком мало осталось у меня дружины, не удержать поганых. Сколь великое число добрых ратников пало здесь! Верно, придётся искать мира у Ольга. Иначе все ляжем в сыру землю, а заодно и простых людей погубим».

На звоннице собора Спаса забили в колокол, созывая жителей Чернигова на вече.

С криками: «Не хотим орду поганую! Довольно ратиться! Пушай князь Ольг миром к нам идёт! Не хотим воевати боле!» – люди стекались на площадь. Стоя на ступени⁹⁷, Владимир старался сохранять хладнокровие и с виду равнодушно внимал неистовым, истошным крикам исстрадавшихся за время осады горожан.

Только бледность лица и нервные беспокойные движения рук выдавали волнение князя. В ушах его стоял пронзительный неприятный гул.

– Уходи от нас, князь! – раздался рядом голос боярина Славомира. – Одни токмо беды да несчастья принёс ты на наши головы! Уступи место Ольгу! Пушай он у нас княжит! Он мудрей тебя! Не станет с погаными воевать!

– Да, не станет! – вдруг резко выпалил в ответ Владимир. – Он, наоборот, поганых к вам в дома приведёт!

– А как мыслишь ты от них оборониться? Слаба дружина твоя. Не отогнать тебе орды их от стен наших, – молвил боярин Мирон. – Не управись без чужой помощи. А помощи сожидать тебе неоткуда.

– Прав ты, боярин. И вы правы такожде, люди добрые. Что ж, Славомир, послушаю я совета твоего, уйду с дружиною из города. Для меня иного нет. И всё ж, боярин, совет мой: ступал бы ты со мною. Чую, не защитит Ольг Чернигова от половцев. Пропадать вашим головушкам!

– Глупость, безлепицу речёшь! – возмущённо воскликнул, всплеснув руками, Славомир. – Да князь Ольг не даст поганым лиходейничать! В дружбе великой он с ханами, не створят нам зла!

Владимир уже не слушал последних слов боярина. Быстро сойдя со ступени, он прошёл через расступившуюся толпу и скрылся за оградой своего терема...

Глубокой ночью князь вызвал к себе Бусыгу. Невысокого роста, но крепко сбитый, отчаянно храбрый, но, где надо, осторожный, набравшийся за годы службы опыта, извечный весельчак и балагур, большой любитель кабаков и женщин, почему-то вселял Бусыга в князя уверенность, что всё пройдёт, что схлынет тяжкая беда и что заживут они на Руси лучше, чем жили прежде.

Усадив удалого дружинника на обитую шёлком лавку в горнице, Мономах долго наставлял его:

– Останешься тут. Неприметно примкнёшь к Ольгу, скажешь, будто хочешь к нему в дружину вступить. В число мужей его доверенных войти тебе надобно будет. И обо всём, что сей враг затевать измыслит, передавай мне чрез купца Ждана. Ведаешь, где дом его?

⁹⁷ Степень – помост посреди площади.

Бусыга кивнул, встал и поклонился Владимиру в пояс. Князь обнял его за плечи, поцеловал в лоб и, троекратно перекрестив, промолвил:

– Коли роту⁹⁸ от тебя требовать почнут – клянись, не задумывайся. Сказано ибo: не спасёт душу свою тот, кто не погубит её ради земли своей! Ну, ступай. И да хранит тебя Бог!

Он грустно смотрел на закрывшуюся за удалым дружинником дверь...

Наутро Владимир послал Олегу грамоту, в которой предлагал прекратить войну и согласился уступить Чернигов, взамен беря обещание беспрепятственно пропустить его с сотней дружинников к Переяславлю, а также не чинить зла простому черниговскому люду.

Олег согласился, и в День святого Бориса малочисленная Владимирова дружина, отперев крепостные ворота у берега Стрижени, вышла из города.

Вдоль дороги, по которой двигались воины, сновали половецкие всадники, осыпавшие русов едкими насмешками. Кровь закипала в жилах дружинников, но Владимир строгонастрого приказал им терпеть и запретил отвечать на оскорбления.

– Ещё поквитаемся, – спокойно говорил он.

Посреди отряда, в крытых возках, охраняемых со всех сторон, ехали жёны и дети воинов. Владимир увидел полные испуга тёмные глаза высунувшейся в оконце возка княгини Гиды⁹⁹. Рядом с матерью подростки Святослав, Ярополк, Вячеслав, Марица и совсем маленькая София. Стараясь успокоить жену и детей, Мономах ободряюще подмигнул им и заставил себя через силу улыбнуться. Гида горестно покачала головой и скрылась за занавеской...

Перейдя Десну, Владимир с дружиной поспешил укрыться в Переяславле, за его каменными, неприступными для половцев стенами.

«И пошёл я из Чернигова на день святого Бориса и ехал сквозь полки половецкие лишь с сотней дружины, с детьми и жёнами. Половцы, стоявшие у перевоза и на горах, облизывались на нас, как волки», – вспоминал он много лет спустя в своём «Поучении чадам...».

⁹⁸ Ротá (др. – рус.) – клятва.

⁹⁹ Гида – жена Мономаха, дочь последнего англосаксонского короля Гарольда, погибшего в 1066 году в битве при Гастингсе, после чего Англия была завоёвана нормандцами.

Глава 9. Разгром Чернигова

Сразу после ухода Владимира из Чернигова половцы сняли осаду, покинули поле перед городом и занялись грабежом сёл и деревень по обоим берегам Десны. Тем временем черниговские бояре, с каждым часом ожидая прибытия в город Олега, выставили на крепостной стене окольного города стражу во главе с тысяцким, которая при виде княжеской дружины должна была настезь распахнуть ворота.

В доме боярина Славомира, раскинувшемся на Третьяке, недалеко от строений Елецкого монастыря, шли приготовления к пиршеству. На поварне жарились туши свиней, говядина, птица, рыба. Давний приятель Святославичей, боярин решил расщедриться, пригласив к себе на пир князя и всю его дружину.

– Пошевеливайтесь, негодники! Князя Ольга с часу на час сождеаем! Почто, стойно мухи сонные, копошитесь?! – подгонял он челядь.

Разодетые, в шёлковых цветастых летниках¹⁰⁰, с золотыми серёжками в нежных ушках, в сапожках из сафьяна с замысловатыми узорами на голенищах, в двери светёлок выглядывали с лукавыми улыбками на устах юные боярские дочери. Все три, как на подбор, красавицы, и каждая тайком подумывала, стоя у притворённой двери: «Поглядел бы на меня какой удачный молодец из княжой дружины». Как знать, может, счастье своё обретёт Марья, Елена или Ольга...

Грязный, в рваной суконной тёмно-серого цвета свите¹⁰¹ человек подошёл к воротам окольного города.

– Кто таков еси? – удивлённо спросили его стражи.

– Аль не признали? Бусыга аз¹⁰², мечник. Прогнал мя Мономах, побить велел, яко собаку, ибо за мир аз со князем Ольгом стоял.

– А не врешь ли ты? – подозрительно прищурившись, спросил его тысяцкий. – Ну-ка, побожись.

– Вот те крест! – Бусыга истово перекрестился.

– Куда ж путь держишь, Бусыга?

– Князя Ольга ишу аз. Может, возьмёт к себе на службу. Рад вельми¹⁰³ буду.

– Ну коли так, дайте ему копьё, – приказал тысяцкий стражам. – Как раз и сождеаем князя твоего, – добавил он, обращаясь к Бусыге.

Длинное, с булатным острым наконечником копьё тотчас оказалось в руках мечника, поданное одним из стражей.

– Стой здесь, – властно указал ему тысяцкий. – Как князя Ольга узришь, отопрёшь врата.

С равнодушным видом Бусыга встал возле ворот, но как только тысяцкий отошёл, по крутой узенькой лестнице взбежал на заборол. Прикрывая глаза ладонью от солнца, он со вниманием всмотрелся в холмистые дали.

Вот из-за поворота дороги показались в туче пыли половецкие всадники в кольчужных калантырях и меховых бобровых и лисьих шапках. При виде города они громко загалдели, указывая друг другу пальцами на крепостные башни. Рассыпавшись по полю веером, степняки стремительно приближались. Бусыга уже вскоре смог разглядеть лица передних, смуглые, скуластые, потные, исполненные алчности и ожесточения.

¹⁰⁰ Летник – старинная женская верхняя одежда. Расширялась книзу, застёгивалась до горла.

¹⁰¹ Свита – длинная верхняя одежда на Руси.

¹⁰² Аз (др. – рус.) – я.

¹⁰³ Вельми (др. – рус.) – весьма.

В стороне справа заблестели булатные шишаки¹⁰⁴ и дощатые брони¹⁰⁵ Олеговой дружины. Показался и сам князь, на ветру колыхалось его пурпурное корзно с золотистой оторочкой, у плеча посверкивала серебряная фибула¹⁰⁶, на белоснежном фаре¹⁰⁷ красовалась дорогая обрудь¹⁰⁸.

Жестом руки остановив своих воинов, он что-то резко выкрикнул по-половецки. Бусыга увидел, как с явной досадой и неохотой степняки осадили перед крепостным валом своих мохноногих коней. Олег выехал вперёд и снял с головы золочёный шлем с чеканным архистратигом Михаилом на челе.

– Други! – зашумел он громовым голосом, так, что стало слышно со стены. – Я, князь ваш, ведаю, что стойте вы за меня, что прогнали ненавистного Мономаха! Не пугайтесь ратников половецких, то мои и ваши союзники верные! Не створит вам никто лиха! Отпирайте врата!

– Да открывай же вборзе! – крикнул тысяцкий Бусыге.

Бусыга бегом ринулся с заборола вниз, подбежал к воротам и отодвинул тяжёлый засов. Дубовый мост, заскрипев, опустился на ту сторону рва. А дальше... Такого, наверное, в тот день не ждал в Чернигове никто. Дикае вопли сотен половцев слились в один протяжный звериный вой. Размахивая саблями, орда Арсланапы с ходу ворвалась в окольный город. Вмиг запылали подождённые кочевниками дома, хрипая ругань заполонила широкие и узкие черниговские улицы.

– Что вы творите?! – в ужасе воскликнул Олег, не зная, как остановить свирепствующих «союзников и друзей».

Сминая всё на своём пути, половцы врывались в церкви, сдирали оклады с икон, вытаскивали на паперти кованые сундуки и извлекали из них серебряные и золотые кресты, подсвечники, кадила, ризы и прочее храмовое имущество. Пресвитера¹⁰⁹ Филофея, который попытался было помешать грабительскому расхищению добра, несколько половцев во главе с беком Кчием выволокли на площадь.

– Нечестивцы! Воздаст вам Господь за грехи ваши! В геенне огненной сгорите вы! – Пресвитер судорожно схватил руками большой золотой крест. Старца швырнули на землю, стали топтать ногами.

– Убивайте скорей, поганые! Почто мучаете?! – корчась от боли, умолял Филофей. Но крест не отдал. Только когда он испустил дух, когда один из степняков не выдержал и полоснул саблей по голове пресвитера, вырвали усыпанный алмазными камнями крест из его рук, разжав окованные пальцы. Грязно ругаясь, Кчий спрятал крест за пазуху.

Пламя пожаров быстро подбиралось к Третьяку, где посреди зелени садов располагались хоромы многих именитых бояр.

Боярин Славомир в страхе выскочил во двор, спеша укрыться в погребке, но навстречу ему уже вихрем летел отряд обезумевших от крови половцев во главе с самим Арсланапой. Солтан соскочил с коня, взбежал на крутое крыльцо и настезь распахнул дверь терема. Скрежеща зубами в предвкушении богатой добычи, половцы бросились в боярские хоромы. Двое втащили в горницу пойманного посреди двора трясушегося от ужаса Славомира и швырнули его к ногам Арсланапы.

– Куда ты хотел убежать, боярин?! – грозно сдвинув тонкие брови, спросил солтан.

Славомир, задыхаясь от волнения, не мог выговорить ни слова.

¹⁰⁴ Шишак – остроконечный шлем с гребнем или хвостом.

¹⁰⁵ Дощатая бронь – панцирь из гладких металлических пластин.

¹⁰⁶ Фибула – застёжка.

¹⁰⁷ Фарь – конь.

¹⁰⁸ Обрудь (др. – рус.) – сбруя.

¹⁰⁹ Пресвитер – священник.

– Отвечай, скотина! – Арсланапа ударил его нагайкой по лицу.

– Спужался... Аз... А князь Ольг где? – пробормотал Славомир.

– Зачем хотел убежать, если ты нам друг? Врёшь, всё врешь! Убейте эту собаку! – прохрипел в ярости Арсланапа.

– Нет, нет! Прости, хан! Не убивай! – истошно завопил боярин.

Рослый половец схватил его за высокий ворот кафтана и потащил в сени. Через несколько мгновений до ушей Арсланапы донёлся слабый вскрик.

Голодные половцы набросились на выставленные в горнице на столах кушанья и с ожесточением вгрызались зубами в мясные туши. Рядом на полу плавали в собственной крови посеченные Славомировы челядинцы. Боярские дочери, визжа от страха, устремились наверх, в свои светёлки. Младшая, Ольга, споткнулась о ступеньку. Арсланапа коршуном налетел на неё сзади, ухватил за русую косу, повалил на пол.

– Рабой моей станешь, уруска! – прохрипел он, вожаденно вращая воспалёнными красными глазами.

Ольга закричала от ужаса, не в силах смотреть на страшную рожу и сносить отвратительный смрад, исходящий от немытого тела.

Дыша кумысным перегаром, Арсланапа выволок её во двор.

...Несколько часов бесчинствовали половцы в черниговском околоградьё. С трудом Олегу удалось уговорить степняков прекратить грабежи и резню. Городской посад, ещё недавно цветущий и утопающий в зелени, превращён был в руины. На горе, в детинце сиротливо возвышались собор Спаса с почерневшей от огня колокольней да соединённый с ним галереей княжеский терем.

Олег, закрыв лицо руками, одиноко восседал на лавке в гриднице, тщетно пытаясь уразуметь, почему же такое случилось и почему столь горьким и постыдным оказалось его возвращение на родную землю.

Глава 10. Ольгины мытарства

Ольга ещё помнила, как Арсланапа, досадливо морщась, обернувшись, высунул голову в дверь сарая, куда приволок её, обессиленную и дрожащую от ужаса, и что-то крикнул своим подручным. Краешком глаза она увидела растерзанные тела матери и двух старших сестёр, после чего сильный удар по голове лишил её сознания.

Девушка очнулась в набитой соломой тесной скрипучей повозке, которая, подпрыгивая на ухабах, стремительно неслась по пыльному степному шляху. Два узкоглазых всадника в кольчужных калантырях с копьями в руках ехали по бокам, бросая на пленницу беспокойные взгляды.

– Где я? – с испугом в голосе спросила недоумевающая Ольга.

Ответом ей был лишь скрип колёс. В этот миг она вспомнила виденные ужасы, Арсланапу с оскаленным, как у волка, ртом и, горько разрыдавшись, в отчаянии воскликнула:

– Господи, за что?! За какие грехи наказуешь?!

В лицо ей пахнуло полынью, чужой и дикой, отчего на душе стало ещё горше.

Половцы, заметив, что девушка пришла в себя, принялись оживлённо переговариваться на своём, непонятном ей языке. Ольга подняла голову. Кроме двоих по бокам, спереди и сзади повозки ехали ещё четыре оружных ратника, а пятый правил запряжёнными лошадьми. Старший половец, желтолицый, со шрамом на лбу, коверкая русские слова, обратился к пленнице:

– Солтан Арсланапа – великий воин... Он сказал... Ты, девка... Жена его будешь... Солтан – добрый, умный... Старшей жена сделает... Красна девка... Светла... Как луна на небе.

Сравнение с луной обидело Ольгу, она надула губку, брезгливо поморщилась и отвернулась. Сверкнули отливающие золотом серьги в её ушах – Арсланапа запретил своим людям прикасаться к русской красавице и грабить её.

Внезапно девушка резко выпрямилась.

– Как молвил ты, половчин поганый?! Женой Арсланапы быть мне?! Сыроядца сего, грязного и немытого?! – Плечи её передёрнулись от омерзения. – Николи не дамся ему! Нечестивцы! Да лучше сама на ся руки наложу! Отца моего, мать, сестёр сгубили, треклятые! Вот вам, вот! Получайте!

Она швыряла пучки соломы в противные усатые рожи.

Старший половец взмахнул нагайкой. Убить бы её, удавить, стерву ядовитую! Сказано ведь: злой дух создал баб! Но, помня грозное повеление Арсланапы: «Башкой за девку отвечаешь, Ехир!» – половец в бессильной злобе опустил плетё. Сильные грязные руки схватили Ольгу. Девушка отчаянно отбивалась, но её связали и бросили на колючую опротивевшую солому.

Казалось, никогда не кончится мучительная дорога, вечными будут скрип колёс, тряска и смрад от немых годами тел. Но вот повозка остановилась. Один из половцев ножом разрезал верёвки, связывающие руки и ноги пленницы. Ольга осторожно сошла на землю. Голова её раскалывалась от боли и кружилась.

Воины ввели её в большую, украшенную звериными шкурами юрту.

– Здесь жить будешь, – сухо отрезал старший, сделав своим подручным знак удалиться.

Едва половцы вышли, как к боярышне подбежала молодая чернокобая половчанка, принесла ей цветастое яркое платье, шальвары и высокие кожаные сапоги. Заискивающе улыбаясь, она стала растирать занемевшие Ольгины ноги.

«Верно, служанка», – подумала Ольга и, отстранив её, выглянула из юрты. Тотчас у входа возникло узкоглазое усатое лицо.

«Сторожат, лиходеи! Да и куда ж бежать?!» – Окончательно уяснив всю безысходность своего положения, Ольга упала ничком на пушистый персидский ковёр и горько разрыдалась...

Вскоре в юрту к ней явились две женщины в шёлковых одеждах, все увешанные золотом – в перстнях, браслетах, гривнах¹¹⁰, серьгах.

Служанка тихонько шепнула Ольге по-русски:

– Это жёны солтана, достопочтимая. Вон та, передняя, Кончака, старшая жена. Вторая – волошанка¹¹¹, дочь воеводы, любимая жена.

Кончака, полная немолодая половчанка, светловолосая и голубоглазая, видно, родом из «белых», левобережных куманов, с дебелим лицом, покрытым багровыми пятнами, уперев руки в бока, что-то отрывисто прохрипела на своём языке.

– Она спрашивает твоё имя, достопочтимая, – пояснила служанка.

Ольга ответила.

– Уруска, молодая уруска. – Солтанша закивала головой. – Ай, как нехорошо! Солтан не хочет нас больше. Мы надоели ему.

Она вдруг с негодованием, гневно размахивая кулаками, закричала на вторую жену.

Солтанши вышли, звеня золотом.

– Откуда ты знаешь нашу мольвь? – удивлённо спросила Ольга черноглазую служанку.

– От русских невольниц. Их много было у солтана. Но ты – не невольница. Ты будешь жена. Главная жена. Старшая жена. Любимая жена. Солтану не нужна Кончака. Она старая, толстая, ленивая. Как жаба. Он хотел продать её беку. Никто не берёт. Никому не нужна Кончака. Она злая, сварливая. Но она дочь большого человека.

– А вторая жена? Волошанка?

– Она тоже была взята в полон. Как и ты. Тихая, робкая. Красивая. Ты подружишься с ней. Раньше солтан её очень любил.

Ольга молчала, кивая головой и вздыхая.

– Господи, спаси и помилуй! – Она перекрестилась и, склонив чело¹¹², зашептала жаркую молитву...

С наступлением холодов половецкий стан перекочевал на берег Донца, на зимовье. Однажды утром Ольгу разбудил громкий топот копыт. В юрту ворвался, весь в снегу, запыхавшийся Арсланапа. Вид его говорил о перенесённых невзгодах: под глазами висели тёмные мешки, подбородок разрезал сизый шрам, одежда была покрыта засохшей грязью.

– Как живёшь здесь, жена? – спросил он, устало усмехаясь.

– Я те не жена, выродок, убивец поганый! – ответила Ольга, взирая на него с нескрываемым презрением.

Заметив на одежде солтана вшей, она брезгливо наморщила носик.

– Фу! Тож мне, солтан выискался! Весь в грязи, вши по тебе ползают! Ступал хотя б помылся.

Не в силах более смотреть на Арсланапу, девушка отвернулась.

– Вот как меня встречаешь, негодная! Подожди, всыплю тебе! Бить буду! – заорал солтан, побагровев от гнева.

Выхватив из-за пояса плетё, он полоснул ею по лицу боярышни. На щеке Ольги выступила кровь.

– Ложись! Живо! – Арсланапа злобно выругался.

– Не лягу! Добром не дамся! – крикнула Ольга и, набравшись духу, указала ему на дверь. – Вон!

Она не узнала собственного голоса. Откуда только взялась смелость?!

¹¹⁰ Гривна – здесь: шейное украшение, золотое или серебряное ожерелье. Также гривной называлась крупная весовая и денежная единица на Руси.

¹¹¹ Волохи – предки совр. румын.

¹¹² Чело (др. – рус.) – лоб.

Арсланапа опешил, дико вращая глазами, зашипел от ярости и снова замахнулся на неё. Ольга ощутила боль в плече. Но солтан на удивление быстро отошёл, успокоился и устало присел на ковёр, поджав под себя ноги.

– Ты говоришь, чтобы я вымылся. Но река покрылась льдом. Холодно. Мыться негде. Не люблю ваших бань. Смыть грязь – счастье с себя смыть! Так кипчаки говорят.

– Нешто¹¹³ так и будешь всю зиму невымытый ходить?! – Уста Ольги тронула невольная усмешка. – Чесотку наживёшь!

– Ты мне не советуй, баба! – Арсланапа гневно стиснул кулак. – Не хочешь быть женой – рабой станешь! Чёрную, грязную работу делать будешь! Не выдержишь долго, отдашься. Все урусски сначала так.

– Николи¹¹⁴ те не дамся, страхолутище! – в отчаянии вскричала Ольга.

Он снова бил её плетью...

Так начиналась жизнь несчастной полонянки в половецком стане. Наверное, не она одна яростно сопротивлялась грубости и насилию своих мучителей – у соседних юрт Ольга не раз замечала русских женщин, старых и молодых, на лицах которых читались смирение и покорное ожидание смерти, ведь только смерть могла избавить несчастных от тяжкого бремени непосильного труда. Они словно были заживо похоронены, эти страдалицы с равнодушными ко всему пустыми глазами, ибо потеряли последнюю надежду когда-либо вырваться из проклятой степи, обильно политой слезами и кровью русских людей. Надолго ли хватит её, Ольги, сколько времени отпущено ей, чтобы питать в душе последнюю призрачную надежду? При виде полонянок девушке становилось столь тягостно, что всё валилось из рук.

С некоторых пор, вскоре после приезда Арсланапы, в юрту Ольги стала часто навеваться половчанка лет тридцати пяти с чёрными густыми волосами, во многих местах тронутыми сединой, и лицом, хотя довольно красивым, но тусклым и непроницаемо-холодным. Иногда Ольге даже казалось, что лицо это мёртвое – на нём будто застыло навек одно и то же тоскливое задумчивое выражение. Половчанка молча садилась перед девушкой и, глядя словно сквозь неё пронзительно-чёрными глазами, шептала, обращаясь скорее к самой себе, чем к Ольге, непонятные длинные заклинания. При этом длани женщины нервно подрагивали. Иногда в её очах вспыхивал огонь – в этот миг Ольгу охватывал непонятный страх, – но половчанка тотчас успокаивалась и снова погружалась в свою обычную задумчивость.

От волошанки – жены Арсланапы – Ольга узнала, что странную посетительницу зовут Сельгой, что она близкая родственница одного из ханов и в молодости была несказанно красива. Волошанка рассказала, что некогда любила Сельга юного русского князя Романа, за свою красоту наречённого в народе Красным. Любовь сия и лишила Сельгу радости и помутила её мысли, ибо жестоко расправился с её возлюбленным покойный ныне хан Осулук. С той поры и ходит Сельга из юрты в юрту, садится и шепчет свои заклинания, а по ночам к ветхому её жилищу на окраине стана является блуждающий дух убитого князя. Встаёт князь перед юртой любимой, снимает с плеч, словно шапку, буйную голову, открывает войлочную занавесь и исчезает во мраке...

Ольга со страхом внимала словам волошанки и набожно крестилась, шепча:

– Господи, спаси! Изыди, нечистая сила!

Половецкий стан олицетворял для молодой полонянки ад, вместилище всего самого злого и мерзкого, что только могло существовать на свете. От тяжёлой работы Ольга похудела, осунулась, и если бы не вовлекла её судьба в непредвиденный водоворот страстей и событий, то, наверное, так до конца дней своих и мыкалась бы она в неволе.

¹¹³ Нешто (др. – рус.) – неужели.

¹¹⁴ Николи (др. – рус.) – никогда.

...Отряд степных всадников осадил коней неподалёку от их зимовища. Заметно обеспокоенный Арсланапа приказал Ольге постелить в юрте лучшие ковры, награбленные у ромейских купцов. Нёсший стражу половец с волнением доложил солтану:

– Ханы Тогорта и Китан хотят видеть тебя, достопочтимый!

– Пусть войдут. Зови. – Лицо Арсланапы расплылось в деланой улыбке. – И передай: ханы всегда желанные гости в моей юрте.

Ольга, прижавшись спиной к войлочной стенке, увидела двоих половцев в богато расшитых кафтанах и мохнатых лисьих шапках. Войдя в юрту, они уселись на кошмы напротив Арсланапы. За спинами пришельцев застыла стража.

– Солтан, слухи бродят по степи. Говорят, ты привёз большую добычу в последнее лето, – начал речь Тогорта. – Увёл много коней, скота, взял много золота. Но зачем ты забываешь нас, старых своих друзей?

– Нет, хан, – заискивающе заулыбался Арсланапа, – я помню то добро, какое вы мне сделали. Но вы – на Днепре, я – на Донце. Не ждал.

Он недоумённо развёл руками.

– Не дури, Арсланапа! – хрипя и брызгая слюной, перебил его Тогорта.

Гневом сверкнули его страшные мутные глаза светло-голубого цвета с вывороченными трахомой воспалёнными веками.

От ханов, как и от Арсланапы, исходил нестерпимый смрад. Ольга, не выдержав, зажала пальцами носик.

– Помни, Арсланапа, – продолжал Тогорта. – Это мы указали вам брод на Суле в прошлую осень. А то ни тебе, ни старой лисе Сакзе, ни Кчию не миновать в спину урусской стрелы. Заплати, за услугу надо платить, мы ведь старые друзья, солтан.

Он злобно рассмеялся, противно обнажив редкие чёрные зубы, и как бы невзначай положил ладонь на изукрашенную драгоценными камнями рукоять сабли.

Арсланапа, побледнев, опасливо огляделся по сторонам и покачал головой:

– Мне нечем расплатиться. Отложим мой долг до осени, ханы. Тогда я заплачу, дам вам хороших коней, золото, невольников-урусов.

– Нет, солтан, – вступил в разговор молчавший до сей поры Китан, толстый низкорослый кипчак с узкими как щелки чёрными глазами и приплюснутым, словно придавленным к лицу носом. – Люди в степи говорят, ты взял в жёны уруску, полонянку, дочь боярина. Но дева не даётся тебе, и ты не в силах взнудать непокорную. Отдай её мне. Я разгрызу это сочное яблоко.

– Нет, хан. Уруска моя! Кровью добыл, в бою! – яростно выкрикнул Арсланапа.

– Ой, нехорошо, солтан! – лукаво улыбнулся Китан. – Мы, кипчаки, единый народ. Зачем нам ссориться? Я на тебя пойду, ты на меня пойдёшь, я – твой табун уведу, твоих людей убивать буду, ты – моих людей в плен брать будешь. Перережем друг друга, как урусы.

– Хорошо, ханы. Я не хочу воевать с вами. Дам вам золото за брод на Суле. Но уруску оставь мне, Китан, – не сдавался Арсланапа.

– Твоё золото мне не нужно! – зло прокричал Китан. – Сам добуду в бою! Я молод, мне нужна жена! Настоящая жена! Смелая, непокорная, красивая! Показывай уруску!

Арсланапа мрачно уставился на воинов с угрожающе-острыми копьями в руках, которые плотным полукольцом стояли у стены и готовы были по любому знаку «гостей» наброситься на него.

Быстро уяснив, что иного нет, он окликнул Ольгу и властно приказал:

– Поклонись великим ханам!

Ольга не сдвинулась с места.

– Дрянь! Собака! – Солтан в бешенстве замахнулся на неё нагайкой, но Китан, улыбаясь, удержал его.

– Не бей, не порти, – сказал он, жадно пожирая девушку глазами. – Ай, как хороша! Хочешь быть моей женой? Я тебя не обижу, не буду бить, не заставлю делать чёрную работу. Ай, хороша уруска! – Китан зачарованно закачал головой и грязной ладонью похлопал Ольгу по щеке. Девушка вспыхнула и отскочила, сжав кулачки.

– У, дикая! Ну, не бойся, иди ко мне! – Китан залился противным каркающим смехом. – Совсем дурак, Арсланапа! Такую девку бить! Ай, хороша красавица!

От него, как и от Арсланапы, резко и отвратительно тянуло изо рта кумысом.

Ольга отодвинулась к стене и угрожающе промолвила:

– Не подходи! Не смей!

Китан снова расхохотался, чуть пошатываясь, подошёл к ней вплотную, грубо схватил за плечи, потянулся толстыми жадными губами к белой девичьей щеке. Получив звонкую оплеуху, он по-собачьи взвизгнул от боли и отскочил, словно ужаленный. Арсланапа с нагайкой бросился на Ольгу, но Тогорта молча ухватил его за рукав цветастого халата. Спасаясь от стыда и ужаса, Ольга стремглав выбежала из юрты, упала ниц на снег и забилась в рыданиях.

Вот она, горестная судьба полонянки! Как овцу, как шейную гривну, продаёт её один половец другому. Экий позор! Она, боярская дочь, должна сносить побои грязных степняков, ублажать противного уродливого хана, который потом бросит её, как загнанную лошадь, а взамен возьмёт себе иную, такую же жалкую и несчастную!

– Нет, Арсланапа! Сам управляйся с этой ведьмой! – визжал за войлочной стенкой юрты разъярённый Китан. – Как посмела она поднять руку на хана! Ты, ты виноват!

– Хватит, хан! – прервал изливания Китана властный хриплый голос Тогорты. – Не ради бабы, солтан Арсланапа, мы потревожили твой стан. В степи джут¹¹⁵, бескормица, голод, много коней пало. Урусы сидят в своих городах, готовят для своих коней овёс и сено, кони у них и зимой сытые и тучные. Но нам, солтан, не стать урусам, мы, кипчаки, – кочевники, воины, не овёс – стрелы и луки готовим. Так деды, прадеды наши жили. Надо искать новые пастбища и хорошую добычу. За долгие годы наши кони вытоптали у лукоморья всю траву. Да и у тебя здесь не лучше.

– О чём ты? Что задумал? – недоумённо спросил Арсланапа.

Ольга, за месяцы полоня научившаяся половецкой молви, затаила дыхание и вслушивалась в негромкий, переходящий порой в свистящий шёпот разговор ханов.

– Осенью в Херсонесе мы продали купцам большой полон. Урусы, печенег, торки, угры, – говорил Тогорта. – В тюрьме там сидел один человек, он назвал себя Константином, сыном царя греков Романа Диогена.

– Бывшего царя, – уточнил, отхлебнув из чаши кумыс, Арсланапа.

– Да, солтан, бывшего. Но Константин давно погиб. Этот – самозванец. – Тогорта хрипло рассмеялся. – Мы помогли ему бежать, посадили на коня, увели с собой в степь.

– Зачем он вам? Что вы с ним будете делать?

– Мы идём в поход. На Ромею, на Константинополь. Царь Алексей Комнин – грязная неблагодарная свинья! Чем отплатил он нам за помощь против печенегов? Помнишь, Арсланапа, как убежали мы от его коварства?

– Помню. И ты думаешь, хан, идти на ромеев?

– Да, я поведу кипчаков туда, где заходит солнце, за Дунай. Я возложу на царевича Константина... или кто бы он там ни был... золотую диадему. Там богатые города, большая добыча ждёт нас. Идём с нами, Арсланапа. А Китана с его ордой оставим на Днепре, пусть выбивает из урусов дань за мир.

Все трое дружно расхохотались.

¹¹⁵ Джут – здесь: глубокий снег весной или могоз после оттепели, из-за чего происходит падеж скота от недостатка корма.

Ольга, бледная, дрожащая от страха, сидела на снегу, прижавшись к тонкой стенке. Она многое узнала, но с кем могла поделиться, кому поведать о вражьи́х лихих помыслах? Отчаяние и боль грызли её юную душу.

Ханы вскоре уехали – лишь пурга выла в степи вослед недобрый всадникам. Ольга воротилась в юрту и по знаку Арсланапы молча поставила перед ним золотую чашу с кумысом.

– Всё слышала, уруска? – Солтан злобно скривился. – Видишь, ты никому не нужна, кроме меня. Сейчас ты станешь собирать моё добро, сложишь на телеги чаши, блюда, ткани. Я иду с Тогортой на Ромею. Мои жёны тоже пойдут со мной. Кипчанки смелы и отважны. Ты тоже поедешь. О своей Руси ты должна забыть. Тоже будешь кипчанкой... Податливой, нежной. Я согну тебя, покорю!

Солтан был пьян, он брызгал слюной, ругался и хрипло смеялся. Ольга с отвращением смотрела на его изуродованное шрамами грязное лицо. Сердце девушки сжималось от тоски. Думалось: никогда не суждено ей увидеть родной Русской земли, её холмов и равнин, лесов и стремительных речек. Выпала на её долю горестная тяжкая судьба полонянки. В этот миг ей не захотелось больше жить, и, если бы достало сил, она, наверное, бросилась бы вниз с земляного вала или утопилась бы в проруби. Но самоубийство считалось страшным грехом, и Ольга с ужасом перекрестилась, вопрошая себя: «И откель¹¹⁶ мысли такие на ум идут?!»

Как опротивели ей ханский стан, степь с её метелями, мрачная чужая река, смердящий запах невымытых годами тел, злобные, равнодушные к её судьбе лица!!!

И подумалось: пусть на Ромею, пусть хоть на край света, лишь бы подальше от этой степи, от бед и несчастий.

И когда спустя несколько дней рано поутру длинная вереница телег, окружённая комонными¹¹⁷ отрядами, двинулась на заход, Ольга даже слабо улыбнулась. Нет, жизнь продолжается, и она вдруг начинала верить, что обязательно вырвется на свободу, вернётся домой, сбросит со своих плеч непосильное ярмо половецкой неволи.

¹¹⁶ Откель (др. – рус.) – откуда.

¹¹⁷ Комонный (др-рус.) – конный.

Глава 11. Решение Боняка

Волчья река покрылась льдом, лишь в некоторых местах у берега проглядывали чёрные пятна воды. Воздух был влажен, сыпал снег. Дым кизячных костров тянулся к небу. Голодные кони выискивали под снегом остатки жухлой травы.

Хан Боняк зло швырнул кожух слуге, распахнул войлочную занавесь и шагнул в тепло юрты. Заботливый челядин полил ему на руки воды из узкогорлого кувшина, обтёр полотенцем, после чего к хану подскочил лекарь и осторожно смазал щёки какой-то неприятно пахнущей мазью.

Как ни старался Боняк держать своё тело в чистоте, но на лице его становилось всё больше гнойных язв. Только заживали одни, покрываясь струпьями, как тотчас появлялись другие, то совсем было вылечивал Боняк свои болячки, то снова они возникали, и не было хану от них покуда никакого спасения.

Некогда красивое лицо с правильными чертами становилось уродливым. «Буняка Шелудивый» – так прозвали Боняка на Руси. Когда в прошлое лето привели его люди из Руси очередную партию пленников, один из них, простой крестьянин из-под Лубена, бесстрашно бросил хану в лицо: «Шелудивый пёс!»

Жалкий смерд, в рваной рубахе, тощий, все рёбра пересчитать можно – Боняк даже внимания особого не обратил бы на его мерзкие слова. Ну, приказал бы пару раз угостить нагайкой. В конце концов, пленника можно хорошо продать на невольничьем рынке в Крыму. Перед тем стоило даже и покормить его как следует, чтоб не выглядел он таким тощим и жалким. Но старшая жена, Сарыкиз, всегда сопровождавшая супруга в походах, не стерпела оскорбления. Взвизгнув от ярости, выхватила она из рук нукера копьё и пронзила смерда насквозь. После стояла, красивая, гордая, выговаривала Боняку:

– Ты хан и не должен терпеть таких оскорблений! Если не убить одного, то и другие начнут говорить о тебе такое! И не одни урусы, но и твои воины. Тогда что ты будешь за хан!

Конечно, Сарыкиз была права. Она мудра, как сова, и красива, как лань.

Хану захотелось немедля увидеть свою супругу. Он решительно переступил порог женской половины юрты.

Голубоглазая «белая куманка», тряхнув густыми волосами цвета соломы, поднялась ему навстречу.

– Что ты решил? – сразу же спросила она. – Хан Тогорта, мой дядя, зовёт тебя в поход на коварных греков. Или ты снова откажешься, останешься без добычи, как летом, когда Тогорта с Арсланапой выбили из Чернигова каназа Мономаха. Может, пора забыть обиды прошлого?

Боняк гневно сдвинул брови, но смолчал. Да, его Сарыкиз права. Не следует ему отказываться от этого сулящего большую выгоду похода. Проклятому Святоплугу за исковерканную жизнь несчастной Айгюн он отомстит позже. Тогорта не виноват ни в чём, разве мог он знать, что этот мерзкий шакал предпочтёт делить ложе с наложницей самого низкого происхождения, а ханскую дочь запрет в одном из покоев своего дворца! Но он, Боняк, доберётся до Киева и освободит несчастную Айгюн! А гадкому Святоплугу снесёт с плеч голову! Нет, он поступит иначе! Приведёт пленного каназа в своё становище, даст в руки освобождённой Айгюн копьё и предложит ей проткнуть этого нечестивца, как Сарыкиз поступила с пленным урусом. Как же жалок будет тогда каназ Святоплуг!

Меж тем жена отвлекла Боняка от мыслей о мести.

– Скажи мне своё решение! Я должна знать! – настойчиво добивалась ханша ответа.

– Я пойду с Тогортой и Арсланапой! – после долгого молчания выдавил из себя Боняк. Сарыкиз ответила ему довольной улыбкой.

Глава 12. Исповедь горбуна

Вдовую королеву угров Софию схоронили в королевской усыпальнице в Альба-Регии¹¹⁸. Было безветренно, обступавший город лес стоял нарядный и молчаливый в своём зимнем убранстве, сыпал мягкий снежок, негромко похрустывал под копытами коней наст.

Воевода Талец и королевский писец гречин¹¹⁹ Авраамка держались в свите королевича Коломана. Гречин был хмур, немногословен, весь он ушёл в себя. Много добра сделала для него покойная королева София, это она призвала его в Угрию, сделала писателем, ввела во дворец, только благодаря ей стал он таким нужным и полезным королю Ласло человеком. Скорбел Авраамка, лицо его осунулось и посерело. Талец, видя горе друга, всю дорогу молчал.

В усыпальнице горели тонкие свечи, курился фимиам, попы и монахи зывали к Богу и молили о спасении души усопшей. Королевичи Коломан и Альма, оба в чёрных строгих кафтанах без украшений, встали по обе стороны от мраморной раки¹²⁰.

Талец хорошо видел их обоих и замечал, какие насторожённые волчьи взгляды бросают они друг на друга. Готовы были, казалось, разорвать один другого в клочья два наследных принца священной короны Венгрии, каждый мечтал воздеть её на чело, и смерть матери не сблизила, а, наоборот, словно бы столкнула их обоих лицом к лицу, выплеснула наружу доселе сдерживаемую за холодными улыбками и терпением их взаимную враждебность.

«Волки, волки лютые! Ни слезинки по матери не прольют!» – с ужасом взирал то на одного, то на другого Талец.

Коломан медленно опустился на колени перед гробом. Альма, не желая ни в чём отстать, тотчас рухнул ниц рядом. Они долго шептали по-латыни, перебивая один другого, заупокойную молитву. Наконец, Коломан встал и, опираясь на посох, медленно поковылял к выходу.

– Дмитр, поедем наперёд! – бросил он через плечо Тальцу...

Они мчались рысью по лесу, мимо дубов с уродливыми растопыренными ветками-руками. Коломан поправлял жёлтой сухой ладонью выбивающиеся из-под меховой лохматой шапки чёрные пряди волос.

– Когда ты лишился матери, Дмитр? Сколько тебе было лет? – спросил он вдруг.

– Осемь аль девять. Половчины набег учинили, всё село наше огню предали.

– Огню предали, – раздумчиво повторил Коломан. – Ты вырос без материнской ласки, плохо знаешь, что это такое – потерять мать. Девять лет. А мне уже за тридцать. О, Кирие элейсон!¹²¹ Грехи тяжкие!

Они прищпорили коней, лихим намётом взмыли на заснеженный крутой холм, с которого открывался вид на просторные дали. На восходе за буково-грабовым редколесьем поблёскивал искристый озёрный лёд.

– Веленце, – указал, круто осаживая скакуна, Коломан. – Тут рядом монастырь братьев-бenedиктинцев¹²². Надо заехать, увидеться с аббатом.

Он оглянулся, единственным видевшим глазом ожёг Тальца с ног до головы и недобро усмехнулся:

– Думаешь, королевскому сыну легче, чем простолюдину? Нет, это не так. Да ещё мне, горбтому, кривому, хромому? Я пережил то, что не переживал ни один из вас. Вы никогда не поймёте, что такое насмешки, издевательства, обиды, на которые не можешь ответить. О,

¹¹⁸ Альба-Регия – город в Венгрии, ныне – Секешфехервар.

¹¹⁹ Гречин – грек.

¹²⁰ Рака – гроб.

¹²¹ Кирие элейсон! (греч.) – Господи, помилуй!

¹²² Бенедиктинцы – католический монашеский орден, основан в VI веке Бенедиктом Нурсийским.

Кирие элейсон! Ты думаешь, почему я ненавижу Альму? Из-за власти? Но тогда я ненавидел бы любого, обладающего тем, что не имею сам. Например, строил бы козни и заговоры против своего дяди, короля Ласло. Но к королю Ласло я не питаю вражды, не завидую ему. Нет, Дмитр, наша с Альмой неприязнь – это иное. Я – урод, я обделён Богом, я – словно бы часть чего-то дьявольски тёмного, порождение сатаны. Ты знаешь, как горько, когда мною пугают детей! Когда мать-мадьярка¹²³ говорит непослушному чаду: «Если ты не перестанешь вести себя столь нечестиво, придёт горбатый кривой Коломан, уродец и злодей, и заберёт тебя». Как будто Коломан – какая-нибудь там Баба-яга из русской сказки. Или Вашорру-баба¹²⁴ мадьяр. Или вупар¹²⁵ поволжских булгар. И смолкает проказник, тихо льёт слёзы да дрожит от страха.

Бывает больно, а иногда смешно, когда от тебя шарахаются, когда лица людей напоминают рожи безумных, когда женщины заходятся в диком крике от ужаса. А Альма – он красавец, его любят жёнки. В одном Эстергом¹²⁶ у него четыре любовницы, все жёны баронов. И мужья знают, но терпят. До поры до времени. Как же: герцог, может, будет королём. Как не потерпеть. Тьфу! А впрочем, что их осуждать? Я вот тоже терплю Фелицию¹²⁷. Тебе повезло, Дмитр, ты не познал тягостность уз Гименея. А я наследник короны, и мне жена тоже положена из королевского рода, пусть хоть смеётся над моим уродством и рождает детей от блудливых попов... Мать хоть и любила меня, говорила, что я умный, но Альма был её надеждой, её любимчиком, её гордостью. Меня ещё покойный отец, король Геза¹²⁸, прочил в епископы, хотел отдать в руки жирных и противных боровов-монахов. Но не успел, умер.

Ох, мать, мать! Ты не понимала одного: прекрасный твой Альма был равнодушен к твоей ласке. Видел, Дмитр, ведь он не скорбел там, у гроба, всё смотрел на меня и повторял мои движения, мои слова, мою молитву. У него один ветер в голове, он и латиницу-то едва осилил. Скачки, жёнки, утехи ратные – ничего больше.

... Я тебе скажу как другу... Хотя, зачем я всё это говорю? Но ладно. Если стану королём, постараюсь избавиться от Альмы. Но, чтобы взойти на трон, нужна поддержка влиятельных людей. Поэтому мы и едем в гости к зловредным монахам. Ты их тоже недолюбливаешь, Дмитр. Да, ты ведь греческой веры, православный. Могу с тобой спорить часами, до хрипоты, что наша латинская вера лучше, что Христа мы любим сильнее, но какой в этом толк?

Коломан на мгновение замолчал. Они остановили коней посреди леса, изо рта шёл пар, лёгкий туман стлался в низине над мёрзлой землёй.

– Спешиваемся. – Королевич спрыгнул с коня наземь. – Ты видишь. Я научился обходиться без слуги. И хромаю меньше в последнее время. Достань из сумы жбан с ракией¹²⁹. Белая болгарская ракия. Жжёт, как огнём. Что бы сказала мать? «Ты стал пить, Коломан. Ты как твой дед, Изяслав, излиха слаб к вину». Хотя это далеко не так. Да, Дмитр, ты знал моего деда?

– Нет, крулевич. Не видал ни единого разу. Да ить и умер он задолго до моего рождения.

– Ну, тогда дядьку Всеволода. Уж его-то точно. Помянем заодно и его, усопшего! – Коломан взял из рук Тальца жбан и сделал два больших глотка.

– Горло дерёт! – Он поморщился, передёрнул плечами и вытер усы. – Крепкая ракия. На, испробуй. Ну, как тебе?

– Добро. Насквозь всего пробирает.

¹²³ Мадьяры – самоназвание венгров.

¹²⁴ Вашорру-баба – злая ведьма в венгерской мифологии, аналог русской Бабы-яги.

¹²⁵ Вупар – злой дух у ряда тюркоязычных народов.

¹²⁶ Эстергом – столица средневековой Венгрии, на правом берегу Дуная, севернее Будапешта.

¹²⁷ Фелиция – жена Коломана, дочь сицилийского герцога Рожера.

¹²⁸ Геза – король Венгрии в 1074–1077 годах, из династии Арпадов, отец Коломана.

¹²⁹ Ракия – болгарская водка. Известна с XI века.

– Кого ещё помянем? Красавицу Кунигунду-Ирину¹³⁰, графиню мейсенскую, вдову Ярополка Волынского! Ну нет, она жива-здоровая, во второй раз вышла замуж, за графа Куно Нортхеймского! Недолго горевала! Юдиту¹³¹, жену Германа Польского, вот кого помянем. Умерла почти сразу после родов! А так была красива!

Коломан выпил ещё и ещё и стал, шатаясь, ходить вокруг лошадей, тряся жбаном, как кадиллом.

– Крулевич, что с тобой? – Талец не на шутку перепугался.

– Со мной? – Коломан говорил заплетающимся языком, глаз его затуманился, он едва держался на ногах. – Ничего. Хмель в голову. Анастасия сказала... Королева Анастасия¹³²... Не завидуй чужой красоте... Она умная... Она мне как мать... Тоже русская княжна... Ярославна... Смотри... Королева Юдита умерла... А Фелиция жива... Красота увядает... Безобразия цепляется за жизнь... Как колючка... О, Кирие элейсон! Что я тут наплёл?! Дмитр, поедем... Вези меня к бенедиктинцам... Там заночуем... А утром в путь... Нас будут искать... Пошли монаха сказать... В Альба-Регию...

Талец погрузил подвыпившего королевича на коня. Сухой и маленький Коломан оказался лёгок, Талец поднял его на руки без труда, но, боясь ненароком причинить боль этому уродливому отпрыску угорских и русских княжеских кровей, долго и осторожно всаживал его в седло.

«Да, хороши будем мы пред братьями-бенедиктинцами, Нет, не мочно¹³³ туда езжать. Поворотим обратно, в Альба-Регию». – Талец сел на коня позади Коломана, а второго скакуна привязал за повод к первому.

– Вот так и поскачем, с поводным конём. Ну, наперёд! Пошли, коняки!

Медленно и важно, гулко барабани копытами по твёрдой холодной земле, скакуны вышагивали по вечернему зимнему лесу.

Безлюдно и тихо было в лесу, ни человеческого голоса не раздавалось, ни крика птицы, ни волчьего воя, ни рёва шатуна-медведя.

Морозный воздух, свежий, прозрачный, чистый, казался подобным хрупкому ломкому стеклу: дунешь, и растрескается, зазвенит, разлетится на тысячи мелких осколков.

В темнеющем высоком небе зажглась первая звезда. Талец, вскинув вверх голову, задумался. По гладкому челу его пробежали бороздки морщин.

Вот уже более десятка лет он тут, в земле угров. Он стал воеводой, стяжал ратную славу не в одной битве, ходил с королём Ласло покорять Славонию, воевал с половцами, видел Нитру¹³⁴, Аграм¹³⁵, Белград. В Эстергоме выстроил он большой каменный дом со слюдяными окнами и теремными стрельчатыми башенками, его ценят и уважают, тайно ненавидят и боятся, ему завидуют.

Но всё же Угрия – чужая для Тальца земля, сердце его навсегда осталось там, на Руси, по ночам ему снится Чернигов, снится родная деревня, снятся дубравы, леса и перелески. И не с кем ему поделиться сокровенным. Друг Авраамка весь ушёл в работу над переводами греческих и славянских хроник, много раз он выполнял посольские поручения короля Ласло, тоже стал заметным человеком при дворе, но постепенно как-то отдалился от него, Тальца. Да иного, наверное, и не могло быть – у каждого из них своя стезя. Одному – вести рать на

¹³⁰ Кунигунда-Ирина (1057–1140) – немецкая принцесса, была женой князя волынского Ярополка Изяславича, брата Святополка. Овдовев в 1087 году, вернулась на родину.

¹³¹ Юдита Чешская – чешская княжна, жена польского князя Владислава Германа, мать Болеслава Третьего Кривоустого. Умерла вскоре после родов в 1086 году.

¹³² Анастасия Ярославна – дочь Ярослава Мудрого, была женой венгерского короля Андраша. Овдовев в 1061 году, жила в замке Адмонд вблизи венгеро-австрийской границы.

¹³³ Мочно (др. – рус.) – можно.

¹³⁴ Нитра – город в совр. Словакии, в Средневековье – столица Нитранского княжества в составе Венгерского королевства.

¹³⁵ Аграм – Загреб.

бой, рубиться с врагами, другому – долгие часы просиживать над книгами и скрипеть гусиным пером.

С годами всё острее чувствовал Талец гнетущий холод одиночества – дом его, полный челяди, казался пустым и невзрачным. Никто не встречал его из походов, никому, кроме Аврамки, не был он по-настоящему близок и дорог.

Тоска сжимала Тальцу сердце, становился он угрюмым, задумчивым, надолго погружался в себя. Что-то надо было менять ему в жизни, но что и как, он не знал. Завести жену? Привести в дом чужую женщину, далёкую от его мыслей и переживаний? Вон сколько угорских красавиц, дочерей баронов и дворян, не сводят с него сластолюбивых очей! Нет, всё это не то.

Воротиться в Русь? А кто его ждёт там? Все, кого он знал, давно ушли из его жизни. Дядька Яровит помер в Новгороде, оставив вотчины и богатство пасынкам, уже и князя Всеволода, в дружине которого Талец когда-то служил, нет на свете. И бог весть где носит буйный ветер удатного молодца Бусыгу. Никто не помнит Тальца на родной земле, никому он там не нужен.

Тяжко вздохнув, воевода отвлёкся от невесёлых размышлений. Впереди показались строения Альба-Регии, он подстегнул коня и озабоченно покачал головой, глядя на пьяного, качающегося в седле из стороны в сторону Коломана.

Глава 13. Порухение клятвы

Ханы Китан и Итларь, обряжкнные в цветастые халаты из восточной фофудии¹³⁶, сидели перед мрачно хмурящим чело Мономахом, оба наглые, уверенные в себе; говорили, щеря в хищном оскале зубы:

– Каназ, мы приехали творить с тобой мир. Зачем война, зачем кровь? Будем добрыми друзьями, каназ. Дай нам золото, подарки – мы уйдём в степь.

Владимир кусал губы, молчал, думал. Только-только обустроился он в Переяславле¹³⁷, стал наполнять новыми людьми изрядно поредевшую в последнее лихолетье дружину, велел ковать копья, доспехи, мечи для ополченцев, начал готовиться к новым большим будущим походам, а тут опять явились эти половцы с долгими речами, за которыми легко угадывалась плохо скрываема́я угроза. Мол, не заплатишь, князь, разорим всю твою волость. Силы у тебя осталось мало, помощи тебе ждать неоткуда. В Чернигове сидит враг твой Олег, а князь Святополк – разбит, зализывает раны у себя в Киеве, боится нас, ратует за мир. За нами же – вся степь от Дуная до Волги.

Владимир мог бы сейчас заплатить, откупиться от ханов, заключить с ними мир, но тогда совсем оскудеет его и без того прохудившаяся полупустая скотница¹³⁸, и не сможет он подняться, укрепить свою волость, не на что будет содержать войско, и в следующее же лето выбьют его из Переяславля или князья-вороги, или эти же ненасытные степняки. А откажешь, отошлешь ханов ни с чем – сразу начнётся война, и опять же может он потерять всё, что имеет, всё, что у него осталось.

Раздумчиво покивал князь начинающей сесть головой, окинул ханов грустным взглядом умных внимательных глаз, ответил так:

– Творить мир с вами один не буду. Надобно послать в Киев, сговориться с великим князем Святополком.

– Тогда, каназ, – ответил ему, лукаво улыбаясь, Китан, – дай нам сына своего в залог мира. А сам возьми к себе в аманаты¹³⁹ хана Итларя. Мы разобьём стан между валами Переяславля. Будем ждать гонца из Киева.

Мономах согласился. Он уже знал, что Тогорта, Боняк и Арсланапа увели большие силы за Дунай, в Ромею, и в степях сейчас осталось не так много добрых воинов, но он усиленно делал вид, что не ведаёт этого и страшится половцев. Боязливо отводя очи, вздыхал, казался печальным, растерянным, уставшим, унылым, чем вызывал усмешки ханов и укреплял их уверенность. В конце концов Мономах дал клятву, что не нарушит соглашения, не причинит никакого лиха Итларю и его людям. Китан тоже поклялся не чинить зла княжескому сыну. На том и расстались, каждый думая о своём.

... Утром вместе с Гидой князь Владимир проводил в недалёкий, но страшный путь тринадцатилетнего сына-отрока Святослава. Княгиня держалась спокойно, не плакала, не причитала, она лишь всполошно, быстрыми короткими взмахами руки троекратно перекрестила своё чадо и тихо промолвила:

– Господь да пребудет с тобой, сынок.

А Владимир, грубовато хлопая Святослава по плечу, сказал с натянутой тяжёлой улыбкой:

¹³⁶ Фофудия – дорогая узорчатая восточная ткань.

¹³⁷ Переяславль-Южный – древнерусский город на берегу реки Трубеж, близ Киева, столица Переяславского княжества, ныне – г. Переяслав-Хмельницкий в Киевской области.

¹³⁸ Скотница (др. – рус.) – казна.

¹³⁹ Аманат (вост.) – заложник.

– Вот видишь. Меняем ты на самого хана со всею чадью¹⁴⁰ его.

Святослав стоял бледный, растерянный, отец ободрял его, говорил:

– Заложники княжи – дело привычное. День-два минует, приедут люди от Святополка, воротись к нам сюда, а хан Итларь уедет в свою степь.

Явился взбудораженный двенадцатилетний Ярополк, ухватил мать за длинный рукав суконного платья; скривив недовольно уста, пожаловался:

– Почто не меня, но Святослава отсылаете? Я б ентим поганым показал!

Гида зло прикрикнула на него:

– Не твоего ума это дело! Ты ещё тут будешь советы давать!

Ярополк, обиженно вздыхая, отошёл в тёмный угол. Владимир привлёк его к себе, приобнял, ласково потрепал по густым волосам.

Во дворе ждал Святослава белоснежный фарь с дорогой сбруей и золотым стремярем. На голову отрока надели золочёный шишак, на плечи набросили подбитое изнутри мехом алое корзно. Сопровождаемый несколькими дружинниками и дядькой-пестуном, Святослав выехал через Епископские ворота к городским валам. А навстречу ему во главе отряда половцев ехал в широкой мохнатой шапке, в богато отделанном серебром кожухе важный и торжественный Итларь.

...Только после отъезда сына Гида дала волю слезам. Бессильно упала на кровать в ложнице¹⁴¹, уткнулась лицом в подушку, беззвучно горько разрыдалась. Владимир стоял рядом с нею, смотрел на её вздрагивающую голову в затканном серебристыми крестами тёмном повойнике¹⁴², сжимал уста, молчал. Понимал: слова утешения бессмысленны и бесполезны.

Поздно вечером, в сумерках примчал, весь в снегу, посланник Святополка – боярин Славята. С мокрой от снега светлой бородой, погрузневший на обильных киевских харчах, ражий толстомордый новгородец, как узнал, что половцы во главе с Итларем остановились на подворье у боярина Ратибора, тотчас предложил:

– Дак цего ж мы ждём?! В меци их!

– Безлепицу глаголешь! – мрачно перебил его сидящий тут же, в княжеской гриднице, Ратибор. – Ежели мы – хана, так они княжича Святослава сгубят.

Славята с хитроватым прищуром повертел головой, подумал, посмотрел на полное тревоги лицо князя Владимира, посоветовал иное:

– Тогда с Итларем погодим. Надоть средь ноци к им в стан пробраться, с торчинами вместях. Княжица вызволим, Китана и его людишек перережем. Тихо, ни един не уйдёт. А после поутру и Итларя кончим!

Разбойничьи белесые глаза новгородца горели огнём, он в нетерпении потирал руки, облизывался, как волк, подкрадывающийся к овчарне.

– Да ты что, боярин?! Как же можно нам уговор с погаными рушить?! Что ж мы, клятвопреступники?! – ужаснулся Владимир.

– Э, княже! – Славята небрежно махнул десницей. – Да какие тамо с ими уговоры, какие клятвы! Они ж их первые и порушат. Им от ты одно надобно – золото, узороще. Цтоб было цем коней своих вонючих кормить да баб во цто наряжать.

– Славята прав, – неожиданно поддержал его Ратибор.

За ним следом согласно закивали головами, заговорили Ардагаст, Станислав Тукиевич, Мирослав Нажир, другие бояре. Владимир, бледнея, медленно поднялся со стольца¹⁴³. Сказал, хмурясь:

¹⁴⁰ Чадь – приближённые, свита.

¹⁴¹ Ложница (др. – рус.) – спальня.

¹⁴² Повойник – плат, головной убор замужней женщины.

¹⁴³ Столец – княжеское кресло.

– Заутре пошлём в стан половецкий гридня с шубой для княжича Святослава. Мол, отец передаёт, хладно, ветер, застудиться можно. Со стены подсмотрим, в каком шатре Святослава держат. А ночью, с торчинами вместиах, и налетишь, боярин Славята. Одно помни: за сына моего головой отвечаешь.

– Да полно те круциниться, княже! Ницего с сыном твоим не содеица. Не ждут поганые, не думают, будто ведомо нам о Тогортовом походе, – засмеялся, обнажив ровные крепкие зубы, Святополков посланец.

...Выбирались из ворот неслышно, затаив дыхание, сжимали в руках сабли, мечи, кинжалы, луки. Едва заметными тенями подползли к стану, все переодетые в половецкие кожанки и шкуры. Открыто, не таясь подошли к кострам, негромко заговорили по-кипчацки с ничего не подозревавшими стражами. Вскоре тихие вскрики нарушили безмолвие зимней морозной ночи. У шатра, где обретался Святослав, после короткого шевеления и приглушённого звона железа распахнулась войлочная занавесь. Дрожащего от страха княжича водрузили на коня, помчали назад к воротам. И как только скрылся он во тьме за стеной Детинца, гулко прозвенел в ледяном воздухе протяжный волчий вой – знак атаки. Служивые переяславские торки, кольцом охватив вежи, бросились на спящих половцев.

Славята с обнажённой, измазанной в крови саблей выволок из шатра упирающегося Китана, повалил его навзничь возле костра, с яростной силой вонзил саблю в грудь. Хан, захрипев, дёрнулся в предсмертной агонии и, весь в крови, замер на снегу. Славята, ругнувшись, вытер саблю и сунул её в ножны. Оглядевшись по сторонам, он удовлетворённо усмехнулся. Всюду были трупы половцев, торки уводили коней, хватали женщин, где-то раздавался детский плач. Но в спящем затаившемся среди снежных валов Переяславле за каменными стенами царила тишина, только ветер свистел зверем в слюдяные окна боярских хором. Этот же ветер запорошил снегом остекленевшие мёртвые глаза убитого Китана.

...Обнимая живого и невредимого сына, Гида уже не сдерживалась, плакала, не таясь, выла навзрыд, тёплые материнские слёзы орошали бледное лицо напуганного княжича. Святослав молча кусал дрожащую губу, затем всё-таки не выдержал, опустился на колени и тоже заплакал, утопив лицо в складках материнского платья.

Владимир, стоя у плотно затворённого окна, думал о другом. Ему было страшно нарушить, преступить клятву, пусть даже данную врагу, клятву вынужденную. Но в то же время он понимал, знал – иного нет, поздно горевать и жалеть о свершённом. Мысль же была у него такая: не дать степнякам передышки, немедля снестись со Святополком, соединить силы и ударить по станам левобережных половцев. Пока Тогорта и Арсланапа воюют где-то далеко и сил у поганых немного, надо нанести им ответный неожиданный удар, отомстить за разгром на Стугне, за сожжённые дотла, уничтоженные русские городки. Пусть знают, какова цена их клятвам, и пусть также ведают, что не останутся безнаказанными их нескончаемые лихие набеги.

Утром явился Ратибор, доложил:

– Итларя и его чадь перестреляли стрелами. Ни один не ушёл.

Слушая боярина, Мономах ещё сильнее убеждался в правильности своих намерений.

Глава 14. Развод Мономаха

О том, что с женой близится разрыв, Владимир понял, когда стоял над трупом Китана на пороге вежи под валами Переяславля. Гида была тут же, но зачем пришла, откуда взялась, он так и не понял. Мёртвый Китан с вытаращенными от страха глазами и искривлённым в немом крике ртом вызывал в душе у Владимира одно тупое ожесточение, одно злорадство. Вспоминал князь, как подсмеивался над ним половец несколькими днями назад, как требовал серебра за мир.

«Вот тебе серебро, вражина!» – готов был воскликнуть Мономах.

Сам не знал князь, что побудило его поднять голову. Словно о стену, натолкнулся он вдруг на полные ужаса тёмные Гидины глаза. Наверное, всё у Владимира на лице было написано, все мысли его и чувства вырвались наружу и отразились в злобном волчьем оскале. Княгиня не выдержала, вскрикнула, шарахнулась от него, бегом бросилась прочь. Скрипел под ногами снег, ветром разметало в стороны длинные рукава её собольей шубы.

После, в хоромах, за ужином, она молчала задумчиво, не смотрела в его сторону, бледность растекалась по красивому, гладкому, как в дни незабвенной молодости, челу.

Разговор, решительный, резкий, неприятный, состоялся позже, когда остались они с глазу на глаз в княгининой опочивальне.

– Всё видела... Как ты... – начала она сбивчиво, сперва тихо, но затем, волнуясь, перешла на крик... – Ты нашего сына едва не погубил! Как ты мог! Знаю: отомстить захотел за неудачи свои, за брата, за Стугну, за Чернигов! Стоял там, над трупом хана когда, одна злоба тяжкая, одна ненависть звериная во взоре твоём читалась! А сын наш! Он тут при чём?! До сей поры дрожит, яко в лихорадке, спать не может! Устала я, князь! Одно лихо вы с братией своей на земле сеете! И чад моих ввязываешь ты в сию круговерть! Они, мальцы, дети невинные, страдают! Почему о них не думаешь?!

Владимир попытался возразить, начал было оправдываться, говорить:

– Не я зла творец. Лишь ответил я. А сына выручил, не дал погнучь.

Понял тотчас, что напрасны слова, что виноват, что зря, наверное, послушал он Святяту и Святополка. Было ощущение бессилия, безнадёжности и бесконечной усталости.

А Гида, перебив его, продолжала кричать:

– Надоело мне всё! Походы твои, рати, Переяславль этот! Половцы, коих набегу новые сами же вы со своим Святополком топерича вызовете! До чего ты дошёл! Погляди на себя! Клятву порушил! Для тебя, выходит, клятва всякая – яко словеса пустые! Думаешь, поверила я, когда ты отца своего оправдывал?! Думаешь, дура, да?! Не поняла, как князь Изяслав¹⁴⁴ погиб?! Не уразумела, кто сына его Ярополка погубил?! Кто ко Глебу Святославичу убийц подослал?! Кто за голову Романа Красного вонючему Осулуку заплатил?! Всё то вы со своим отцом сотворили! И не молви, будто не ведал ничего! Еже и не ведал, так догадывался! Господи, да что ты за человек?! У тебя хоть страх Божий в душе есть?!

– Что несёшь?! – отпрянул от неё Владимир.

Слов больше не было, было одно отчаяние. И была боль, слёзы выступили на глазах. А Гида не унималась, гневно сдвинув брови, продолжала она бушевать:

– Не могу более так! В Новый город, ко Мстиславу¹⁴⁵... К Гарольду, первенцу своему, отъеду тотчас! Поутру велю возы закладывать. И дочерей обеих заберу. И Марицу, и Софью. Не хочу... не хочу делить с тобой преступления, князь!

¹⁴⁴ Князь Изяслав Ярославич, отец Святополка, погиб в 1078 году в битве у Нежатиной Нивы при невыясненных обстоятельствах, от удара в спину.

¹⁴⁵ Мстислав (1076–1132) – старший сын Владимира Мономаха, в 1088–1117 годах с небольшим перерывом княжил в

– Зачем тебе ехать сейчас? Ветер, стужа. – Мономах понимал прекрасно тщетность своих слов.

Гида в ответ лишь презрительно фыркнула. Вдруг сказала неожиданно спокойно, одолев приступ гнева:

– Отныне не по пути нам с тобой, князь Владимир. Добьюсь с тобой развода. Приму постриг в Кёльнской обители. Я хотела так поступить, когда была молодой. Но приехали послы от тебя с предложением замужества. Сомневалась, испрашивала совета у матушки игуменьи, у сестёр. Не знаю до сей поры, правильно ли поступила тогда... Но зла на тебя... Нет, не держу. Ты меня любил и берёг, разумею... И потом, у нас сыновья, дочери. Просто мы разные люди... И должны расстаться. Твоя дорога – это битвы, победы, власть. Мой путь – молитвы, забота о детях. И ещё... Хотелось бы мне побывать в Иерусалиме... Но женой тебе я больше не буду.

Владимир старался держаться хладнокровно, лишь стискивал кулаки, с болью и горечью понимая: она права!

До утра просидел он, не смыкая очей, в книжарне.

Уходила Гида, с нею вместе уходила часть его прежней жизни. Никогда не воротятся весёлые охоты в черниговских пущах, никогда не увидит он больше едва сдерживаемого восторга в ставших такими родными её глазах, не услышит короткое и тихое «люблю», от которого радостно затрепещет сердце.

Надо было держаться, одолевать свои слабости и невзгоды. Напрягая волю в кулак, отодвигал он в сторону тяжёлые мысли и сожаления о былом.

Одно знал он твёрдо: несмотря на потери, на ссоры, на неудачи, ждёт его впереди трудный путь, который должен он пройти достойно.

...На исходе той зимы киевская и переяславская дружины впервые за много лет вышли в ближнюю степь и повоевали половецкие вежи. Разбив в коротких яростных схватках несколько вражьих отрядов, взяв большой полон, русы с победой воротились домой. Но поход этот стал только началом долгой и кровавой войны.

...Поздней осенью княгиня Гида стала постриженкой женской обители Святого Пантелеимона в Кёльне. Жить же она стала в Новгороде, вместе со старшим сыном. Владимиру писала бывшая жена долгие пространные грамоты, рассказывала о своей новой жизни. Странно, даже после развода она продолжала поддерживать его. Князь понимал: делает она это ради детей, но всё равно – пусть хоть малость самую, но становилось приятно. Думалось: как бы там ни было, но не чужие они с Гидой друг другу люди.

В один из тусклых осенних вечеров гостил Мономах у боярина Ардагаста. Пили ол¹⁴⁶ и медовый квас, говорили о половцах, о предстоящих ратях, о Киеве и много ещё о чём. Прислуживала князю за столом молодая девушка с русой косой до пояса, статная, румяная, стойно яблочко наливное.

– Дочь. Евфимия, – не преминул похвалиться боярин.

Боярышня без особого стеснения стреляла в сторону Мономаха своими глазками ярко-синего цвета. Запала князю в душу юная дева. А тем часом Ардагаст продолжал подливать масло в огонь.

– Вот, верно, княже, тоскливо тебе одному пребывать. Сыны по градам разъехались, супруга твоя постриг приняла. Да, может, того... Поглядел бы на девок наших переяславских. Хороши! Мыслию, сыщешь себе среди них и княгиню достойную.

Владимир усмехнулся в ответ.

– Кажется, нашёл ты уже мне невесту. Али как, боярин?

Ардагаст скромно потупил очи и промолчал.

Новгороде. Имел второе имя Гарольд в честь деда по матери.

¹⁴⁶ Ол – пиво.

– Ну что ж. – Владимир решительно поднялся из-за стола. – Коли так, сожидай сватов. Он заметил, как расцвело в улыбке полное лицо боярина и как вспыхнули огнём ярко-синие глаза юной Евфимии.

...Девка эта была как огонь яростный, быстро утомляла она сорокадвухлетнего князя, хоть и не слаб он был телом. После пальчиком она легонько проводила по шрамам на его теле, вопрошая:

– А сие где ты получил?... А енто что?... От сабли след?... А то волк тя укусил?... А енто – след от рога лосиного?... Чудно, княже.

Она восторженно смеялась, радуясь тому, что вышла замуж, и за кого! В ней не было сдержанности и чопорности Гиды, вся она была как распутившийся бутон цветка, как солнышко светлое, напитанное сочными живыми красками лета.

Чуть позже Владимир понял, что новая жена его – особа решительная и властная. В хоромах навела она строгий порядок, могла не только отругать нерадивую холопку, но и вклеить ей хлётскую затрещину. Князь за слуг заступался, так и на него порой могла накричать властная жёнка.

Следующим летом у княжеской четы родился первенец. При крещении получил он имя Георгий, по-простому же, по-домашнему стали мальчика называть Гюргием.

«Какое же тебя будущее ждёт, сынок?» – думал с грустной улыбкой Владимир, держа на руках завернутое в пуховое одеяло крохотное тельце и глядя на маленькое розоватое личико.

Младенец мирно спал, чувствуя, видно, что находится в сильных и надёжных отцовых руках.

Молодая Евфимия цвела от радости, смеялась весело и всё так же, как и при первом знакомстве, стреляла Мономаха ярко-синим блеском своих очей.

Но когда Владимир завёл речь о том, что княжичу надобно, кроме крестильного, дать второе, родовое славянское имя, жена решительно воспротивилась такому:

– Что прежние, поганские времена вспоминать?! Православные христиане, чай, мы с тобою суть! – заявила она, презрительно наморщив свой тонкий, слегка вздёрнутый носик. – Георгием пускай сын мой будет. В честь святого Георгия Победоносца.

Говорила Евфимия веско, тоном, не терпящим никаких возражений. Пришлось Владимиру смириться с её желанием.

Оправившись от родов, продолжала молодая боярская дочь верховодить в его тереме. Много позже, в своём «Поучении чадам...» Мономах напишет: «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой».

То были слова, почерпнутые из собственного богатого жизненного опыта.

Глава 15. Месть убийце

Возвращалась в стольный киевская дружина в славе; после недавних тяжёлых поражений было особенно приятно торжественно и надменно подниматься с Подола на гору, проезжать через ворота, бросать пенязи¹⁴⁷ в облепившую обочины Боричева увоза толпу нищих.

Впереди на тонконогом арабском скакуне ехал Святополк, за ним следом держались Иванко Козарин, Славята, тысяцкий Путята Вышатич, служивый английский королевич Магнус, родной брат княгини Гиды. На телегах везли пленных – их предстояло с выгодой продать в далёкие восточные страны. И не вспоминал сейчас, наверное, никто, что нынешний поход и победа начались с подлости, с попрания клятв, с убийства в ночи между валами Переяславля. Было иное – осознание своей силы, душевная бодрость, вера в грядущие победы над степными ордами.

После были пиры на сенях и в княжеской гриднице, шли они, тянулись долгой чередой, так что казалось, будто и рать сама была учинена не для чего иного, а только чтоб, окончив дело, вдоволь наестся и напиться.

Устроил пир и Славята у себя в хоромах, прихлебатели говорили ему здравицы; развлясь на обитой бархатом лавке, лениво, как сытый кот, слушал боярин звон гуслей, смотрел на кривлянья разноцветно наряженных скоморохов, внимал длинным льстивым речам. Скучно, тоскливо было Славяте, надоели ему эти угодливые масляные рожи. Грохнул боярин кулаком по столу, прекратил безлепое¹⁴⁸ веселье, велел седлать коня.

Вдвоём со старинным другом Магнусом выехали за ворота, скакали по заснеженной улице, степенно, пустив лихих скакунов шагом. Застоявшиеся кони весело фыркали, тёрлись друг о друга, пританцовывали от нетерпения. Вечерело, в окнах домов зажигались свечи, лампы, в церквах шла служба.

– Жёнку б какую, – вздохнул Славята, с унылым видом оглядывая редких прохожих.

И словно услышав слова его, возникло у врат каменного боярского дома с чугунной решёткой-оградой видение – женщина в долгой лисьей шубе, в маленькой меховой шапочке. Тихо скрипнул снег под сафьяновыми сапожками, сверкнули камни в золотых серёжках; приглушённый серебристый смешок горячей волной ожёг боярина, он нагнулся с седла, с любопытством нагло вперил в женщину свои разбойничьи белесые глаза.

Показались знакомыми иконописный прямой нос, глаза с долгими ресницами, чуть припухлые пунцовые губы. Где-то встречал он её, в далёком прошлом, какие-то неясные пока воспоминания пробуждает в нём эта красавица. Верно, тож новгородка.

– Эй, красавича! Кто будешь? – спросил он грубо, супясь, злясь на себя, что не может припомнить, где же и когда он её видел.

– Коротка память у тебя, боярин, – глухо рассмеялась жёнка. – Чего встал тут? Али в гости ко мне собрался? Что ж, милости просим. Честно скажу, не ждала гостя такого.

Она крикнула кому-то за оградой, со скрипом распахнулись перед Славятой ворота, он въехал на просторный двор, спешил, прошагал по мраморным плитам к высокому крыльцу. Магнус шёл следом, не отставал. Уже в сенях, где стояли крытые дорогими тканями столы, вдруг стукнуло Славяте в голову: «Се – Глебова вдова! Та, в которую дурак Авраамка без памяти втемяшился! Что, ежель за мужа мстить мыслит?!»

Хотел выскочить, броситься обратно во двор, но вдова уже стояла в дверях, улыбалась, говорила:

– Что пугаешься? Вижу, признал, наконец, Славята.

¹⁴⁷ Пенязь (др. – рус.) – мелкая монета.

¹⁴⁸ Безлепый (др. – рус.) – нелепый, ненужный

– Ты... княгиня Роксана? Извини, не ждал. Пойдём мы, верно. – Боярин внезапно осёкся, стал воровато озираться по сторонам.

«И терем какой-то странный, на отшибе стоит, и челяди не видать. Не, уходить нать!¹⁴⁹» – Он потянулся к выходу, увлекая за собой молчаливого Магнуса.

– Постой, боярин. Не обижай вдову. Сядь, сядь, – остановила его Роксана. – Думаешь, буду я прошлое ворошить, мужа своего покойного поминать? Нет, Славята. Минуло, истаяло. Вдовой тяжко жить. Ты поглянь, поглянь. Что, некрасива я, уродлива?

Она крутнулась перед ним, светясь очаровательной улыбкой, засмеялась своим ни на что не похожим серебристым смехом. Ошарашенного Славяту обдал аромат восточных благовоний.

Всё же он отбросил прочь наваждение.

«Сатанинская баба!» – подумал, набожно крестясь.

– Да не бойся ты, боярин! – захохотала Роксана. – Ишь, спужался! Ты садись, садись!

Она сбросила с плеч лисью шубу, осталась в долгом саяне¹⁵⁰, расшитом огненными петухами, хлопнула в ладоши.

Тотчас явились предупредительные челядинцы, Славяту и Магнуса, как дорогих желанных гостей, усадили во главе стола. Едва успели они, насторожённые, взъерошенные, расположиться на просторных скамьях, как появились вино, пиво, мёд, разноличная еда, соленья, овощи.

Славята порывался-таки уйти, Магнус удерживал его, говорил:

– Хозяйку обидишь... Смотри, какая красавица... А что там в прошлом было, давно былём поросло.

Попировали тем вечером на славу, хотя ел и пил Славята мало. Не покидала боярина подозрительность, чуял он исподволь опасность, хмуро, по-волчьи смотрел перед собой, наблюдал с лукавым прищуром, чтоб не подсыпали ему в еду или в питьё никакого зелья. Но ничего худого не приключилось.

Прошёл, кончился пир, воротился Славята в свои хоромы жив-здоров, и потекли дни его прежней чередой. Ездил в волости, ходил с дружиной в Поросье, отбивал у половцев полон, с грамотой великокняжеской побывал на Волыни, у князя Давида Игоревича.

Тем временем наступила весна, солнце обливало землю, снег чернел, таял; буйный Днепр, прорвав ледяной панцирь, вышел из берегов и затопил низины. В один из погожих вешних дней вдруг прискакал к Славяте незнакомый вершник.

– Княгиня Роксана кличет тя, боярин. Сказала: «Пир учиняю, зову бояр многих».

Хоть и с сомнениями в душе, но потащился Славята в каменные Роксанины хоромы. Подивился: великое число коней и возков боярских стояло у крыльца.

На пиру пили и ели вдоволь. Ласково улыбалась Славяте нарумяненная красавица-вдова. После учинила Роксана ещё один пир, на сей раз присутствовали в горнице по большей части близкие ей люди. Снова говорили здравицы, пели песни, слушали рассказы гусяров. И тут уже отбросил Славята колебания свои; смотрел на лукавую усмешку вдовы, ловил её хитроватые взгляды, видел, как подмигивает она ему, как выступает павой. Не выдержал, поймал её в тёмном переходе, притянул, впился жадными губами в пухлые мягкие уста.

– погоди, боярин, – засмеялась Роксана, поправляя сбившийся повойник. – Больно ты скор. Сором¹⁵¹ тут нам с тобою, на людях-то. Ты вот что, ты ввечеру, как стемнеет, приходи. У калитки, позади дома, ждатель тебя буду. А тако – негоже.

¹⁴⁹ Нать (др. – рус.) – надо.

¹⁵⁰ Саян – разновидность сарафана с декоративными пуговицами.

¹⁵¹ Сором – срам.

Отступил с тяжёлым вздохом Славята. Вернулся к себе, в нетерпеливом предвкушении грядущих сладких утех ходил из угла в угол широкой палаты, сжимал кулаки, живо представлял себе, как трепещет в его объятиях податливое упругое женское тело. Подумалось внезапно, что не таким уж и дураком был Авраамка. Стоящая баба – вдовая княгиня! Сладкая, и завести, заставить занять сердце умеет. А хороша – ох, хороша!

Едва погасла у окоёма за киевскими горами заря, помчался Славята к Роксаниному дому. И когда уже подъехал он к калитке на заднем дворе и остановил коня, невесть откуда со свистом вылетела ему навстречу длинная острая стрела. Вошла точно в глаз, пробила голову. С воплем боли и ужаса вывалился Славята из седла, тяжело рухнул, как мешок, наземь. Напуганный конь без всадника понёсся вниз с кручи с диким ржанием, а Славята, бездыханный, мёртвый, застыл в дорожной грязи. Двое дюжих челядинцев водрузили его тело на телегу, покрыли сверху соломой, спрятали, повезли прочь. А из-за ворот смотрела ненавидящими серыми очами на смерть боярина жёнка в чёрном повойнике на голове. Тугой лук сжимала дрожащая десница, стояла Роксана, сдерживалась из последних сил, шептала, с раздражением смахивая со щеки непрошеную слезу:

– Не смогла по-иному я, Глебушка! Как сию вражину увидала, так и порешила: нет, не жить тебе на белом свете, враг лютей, убивец! Уж помилуй меня, Боже, грешницу! Не смогла я простить, не смогла позабыть!

Искусав до крови уста, порывисто бросилась Роксана назад, в хоромы.

...Труп Славяты обнаружила на берегу Днепра ночная стража. Обеспокоенный Магнус терялся в догадках. Ему и в голову не пришло, что виновата в смерти его дружка та самая весёлая гостеприимная красавица-жёнка.

Вскоре бывший английский принц оставил службу у Святополка. Раненный в одном из боёв с половцами, поехал он залечивать болячки в дальнюю волость, а после, как говорили, возвратился в родную свою Англию, где долгое время прозябал в нищете. На Руси же не оставил Магнус о себе у людей доброй памяти, ибо не отмечен был никакими благими делами.

А в каменных хоромы киевских продолжала тихо жить одинокая вдова, тоже всеми до поры до времени забытая. Не до неё было – шла по русским полям и лесам косящая люд кровавая усобица.

Глава 16. В Угры за добычей

Арсланапа шурил слезливые гноящиеся глаза. На каменной зубчатой башне Адрианополя¹⁵² горделиво реял ромейский императорский стяг с золотым орлом. Высоко, не сбить его стрелой, не взлезть на крутую стену, только и остаётся в ярости грозить кулаками и сыпать проклятия на головы нечестивых греков.

За зубцами сверкали под зимним солнцем полукруглые шлемы защитников крепости. Ромеи – хорошие воины, они умеют оборонять свои города, им не занимать храбрости и упорства.

Сколько уже дней топчутся орды Тогорты и Арсланапы под Адрианополем, раз за разом разбивая себе лоб о серые камни стен?! Сколько кипчакских воинов пало под этими стенами, сколько утонуло в мутной болотной жиже рва?! Несть им числа, как говорят урусы.

Кони вытоптали и съели всю траву вокруг крепости, началась бескормица, голод, в войске Тогорты вспыхнула эпидемия, косившая сотни людей. В окрестных деревнях и сёлах нечего было больше взять – всё разорено, уничтожено, сожжено дотла.

Стегнув плетью норовистого аргамака¹⁵³, Арсланапа круто повернул назад. Он проезжал мимо костров, возле которых грелись воины в звериных шкурах и лохматых бараньих шапках. На вертелах жарилась конина – кипчаки с голодухи ели своих скакунов.

Какой из кипчака воин без верного коня?! Арсланапа грустно усмехнулся. У солтанских обозов и веж суетились женщины, варилась жидкая похлёбка, в возах лежали приготовленные для боя колчаны с оперёнными стрелами. Кипчакские женщины воинственны, дики и часто заменяют в битвах мужей, отцов и сыновей. Мать Арсланапы тоже была воительницей, лихой наездницей. Его – младенца она кормила грудью, сидя на лошади. Матери Арсланапа не помнил – она пала в бою с ненавистными торками, когда он был совсем мал...

Тряхнув смоляными волосами, к солтану подошла Сельга. Короткий кожаный доспех покрывал её грудь и плечи, ноги облегал бутурлыки с бляшками-застёжками, волосы перетягивала шёлковая цветастая повязка.

– Когда хан Тогорта поведёт нас на штурм? – спросила она недовольно. – Кипчаки голодны и ждут добычи. Если вы, мужи, стали трусливы, пусти вперёд нас, женщин. Мы разорвём в клочья этот ромейский город!

¹⁵² Адрианописьль – ныне г. Эдирне в Турции.

¹⁵³ Аргамак – породистый скаковой конь восточных кровей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.